

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ISSN 2225-0271

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 5 (122) 2018
сентябрь — октябрь

Тема номера:
**ВОЛЯ БОЖИЯ ИЛИ ПОПУЩЕНИЕ:
КАК ОТЛИЧИТЬ?**

- Как Голиаф не одолел Марфу
- В роду академика Сахарова — несколько поколений священников
- Тот не Поэт, кто покривит рулем

**И воля, и попу́щение — всё в Его руках
Христос Пантократор.
XV век. Монастырь Ватопед, Афон**

Будем как дети

Пожалуй, к этой краткой, но емкой формуле можно свести суть и смысл беседы с настоятелем нашего храма отцом Димитрием Туркиным. Но начали мы, естественно, с темы номера.

– Итак, есть ли разница между волей Божией и попусшением Господним? Как себя вести в том и другом случае? Как отличить одно от другого?

– Начну с того, что всё, что в мире существует, всё, что мы видим, о чем говорим, всё, что мы собой представляем, является исполнением воли Божией.

– Получается, на этом можно и поставить точку?

– Ни в коем случае! В лучшем случае многоточие. Всё без исключения, каждый человек существует по воле Божией. И парадокс в нашем, человеческом, понимании состоит в том, что она для нас непостижима. Поэтому я говорю: не точка, а в лучшем случае многоточие. То есть мы не можем сформулировать, в чем она конкретно заключается. Ни в отношении себя, ни в отношении своих близких, ни в отношении страны и так далее.

– И никто нам здесь не помощник?

– Никто, кроме Господа нашего Иисуса Христа и Его Евангелия. Там сказано прямо: нужно следовать заповедям Божиим. Это и будет постижением воли Господней. Можно услышать возражение: они, мол, носят достаточно общий характер, чтобы пользоваться ими в реальной жизни.

– Я как раз был готов это возражение высказать.

– Мне приходится слышать его довольно часто. Действительно, при всей своей определенности заповеди, согласен, можно назвать и довольно общими. Человеку действительно трудно выявить, вычленив из них конкретное руководство к действию. Но не надо забывать, что Евангелие – это не устав воинской службы, где регламентировано все вплоть до расстояния между нижним обрезом шинели и каблук сапога. Понять Евангелие невозможно без живого, творческого подхода, а уж тем более – руководствоваться им. Хочу обратить внимание: вопрос о воле Божией, или Промысле Божиим, чаще всего возникает, когда человек сталкивается с про-

явлениями зла. Это само по себе очень симптоматично, ибо свидетельствует, и это главное, что человек онтологически устроен так, что воспринимает Бога только как источник добра, любви, как носителя лишь благорасположения к себе. То есть он не ждет от Него никакого зла. И если вдруг человек сталкивается с таковым, независимо от его масштабов, носит ли оно всемирный характер или направлено на отдельную личность, у человека сразу возникает вопрос: за что?

– Так, наверное, маленький ребенок не понимает, почему вдруг какой-то взрослый обижает его.

– Совершенно верно. Дитя готово любить всех, весь мир – и вдруг... А мы ведь тоже дети. Божьи дети. Поэтому у нас и реакция адекватная. В этом, пожалуй, самая большая трудность постижения смысла и сути воли Божией. Нет, наверное, человека, который не задавался бы вопросом: как Бог мог допустить существование или появление того или иного зла? Разумеется, я имею в виду нас, немощных и грешных, а не подвижников, для которых воля Божия – это открытая книга. Я, как священник, да и, пожалуй, большинство верующих еще как-то находим ответ на этот вопрос. Но люди неверующие или всего лишь околоцерковные сталкиваются с немалыми для себя трудностями. Видите, даже неверующему человеку трудно представить, что Бог может оказаться источником зла. Это опрокидывает все его внутренние представления, перечеркивает идеалы, а они у него все равно есть, поскольку и неверующий создан Богом. Вы не замечали, что именно неверующие особенно страстно спрашивают: «Почему ваш Бог допускает?..» ну и так далее? Пусть они говорят «ваш Бог», подчеркивая тем самым личный атеизм, но если бы их это не трогало, стали бы они так горячо допытываться? Ну попускает «наш» Бог зло – казалось бы, им-то что за печаль? Так ведь требуют от нас ответа! Значит, считают, что это неправильно. А эта логика приводит к печальному выводу: раз зло существует – значит,

Бога нет. Что может быть страшнее такого «открытия»? Даже священнику порой бывает очень сложно опровергнуть эту логику. Мы живем с этими людьми в разных системах координат. И тем не менее, как ни сложно, нужно стремиться убедить их в том, что Божественная воля существует.

– А почему, отец Димитрий, не оставить их жить так, как они это понимают? В конце концов, они же не причиняют этим никому зла.

– А себе? Ведь в конечном счете это вопрос их спасения. К живущему по воле Божией совсем другой подход, чем к тому, кто живет по своей воле. У человека, живущего по воле Божией, принципиально иное миропонимание. И прежде всего к восприятию и отношению ко злу. Зло не есть воля Божия, а это Божие попускение.

– Все так просто.

– А у Бога вообще все просто. Сам Бог – сущность простая. У Него нет замысловатых «духовных коктейлей» из воли, попускения и прочего. Это мы как Его проекция, но проекция искаженная, вынуждены разбираться, где, допустим, воля, а где попускение. Но попробуй разобраться, если и наш, человеческий, инструментарий грешит.

– Как говорит псалмопевец, «погрешают весы совести».

– Именно. Потому-то нам так сложны вопросы духовной жизни. Не в пример праведникам. Одно из житийных повествований рассказывает такой случай. Едут по мосту через реку преподобный с келейником и видят, как несколько человек топят в реке своего собрата. Преподобный бросается на помощь, спаса-

ет его и увозит с собой. Через какое-то время эти же двое вновь едут через реку и наблюдают аналогичную картину. Но на этот раз преподобный отнесся к этому совершенно безучастно. Спутник, естественно, удивленно спросил его: «Как же так, отче? Прощлый раз ты спас человека, а сейчас оставил его на погибель». — «Первый раз наказывали преступника. Я его спас ради спасения его души. А второй раз наказывали невинного человека. Я не стал вмешиваться, потому что его ждало Царство Небесное». Какой вывод можно сделать из этой истории? Наши представления не совпадают с великой тайной Промысла Божия. Мы не видим того, что видит Господь.

— **Это действительно сложно не только понять, но и принять.**

— Особенно когда мы видим страдания детей. Или возьмите муки нерожденных младенцев, которых матери с легкостью губят в утробе. Чувство противоречия и несогласия с этим естественно нашей природе. И мы требуем немедленно это прекратить. Однако Промысл Божий таков, что он направляет всякое человеческое деяние к добру, но не сию секунду, не в тот момент, который мы считаем самым подходящим, а сообразно Своему замыслу, то есть Своей воле. Потому что только Он знает, когда нужно это сделать. И в этом загадка великого Промысла Божия.

— **Верно ли будет сказать, что по-скольку злое исходит от человека, то попущение Божие — это попущение воле человека?**

— Так можно бы сказать. Но! Человека как создание по образу и подобию Божию отличают две основополагающие характеристики: наличие разума и свободы воли. У Бога воля абсолютно свободна (Дух дышит, где хочет), у человека она относительна. Человек изменяет свою свободную волю так, как считает нужным и правильным. И возникает парадокс. Если свобода воли выводит человека за рамки образа Божия, то есть он перестает жить по воле Божией, упомянутое мной подобие человека нарушается, и тем сильнее, чем больше он сообразуется только со своей волей. Поэтому соглашаюсь с вами в принципе, что зло, не будучи по природе своей самосущным, не может зародиться и существовать само по себе, но должно от кого-то исходить. Вместе с тем я бы

воздержался от категоричного утверждения, что зло, если не может исходить от Бога, стало быть, исходит от человека. Человек — все же не носитель зла. Он может его инициировать и совершает это, но источником зла все же является не человек. Думаю, отвечать на очевидный вопрос «А кто же?» нет необходимости. О человеке скорее можно говорить как о жертве обмана — диавол лжец и отец лжи, о человеке можно говорить как о жертве заблуждения, даже говорить о его удобопреклонности ко греху, но не как о первоисточнике зла. Помните? В Евангелии от Иоанна (16:2) есть очень сильные слова, обращенные Христом к Его ученикам: «...даже наступит время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу». Спаситель говорит: «будет думать». Это значит, речь идет о заблуждении, но никак не о злонамеренном инициативном действии.

— **Пожалуй, отец Димитрий, вы меня убедили. Но может возникнуть вопрос: так ли уж непременно человеку обладать свободой собственной воли, если из-за нее столько сложностей?**

— Во-первых, лишенный собственной воли, человек уже по одному этому перестает быть подобием образа Божия. А это, как вы сами понимаете, невозможно и в корне неверно по определению. А во-вторых, исполняя свою волю, человек учится исполнять волю Божию.

— **Даже так?! Следование своей воле — это подчинение ей себя. Следование воле Божией — это смирение перед Богом. Нет ли здесь противоречия?**

— Я, во всяком случае, его не вижу. Не знаю уж, вольно или неволью, вы произнесли ключевое слово — *подчинение*. Научившись подчиняться, человек научится исполнять и волю Божию. И станет это делать. И станет ее понимать.

— **Итак, человек настроен на то, чтобы исполнять волю Божию. И он это делает. В нем достаточно для этого смирения. Так ли уж важно для него в таком случае знать, где Божия воля, а где попущение Божие?**

— Думаю, что не очень важно. Если мы имеем в виду человека, живущего по воле Божией и никак иначе. О таком человеке можно сказать, что он стоит

почти на пороге святости. Что называется, одной ногой в Царстве Небесном. И таких людей тьма на самом деле, и не только «где-то там», а в ближайшем окружении. Для этого вовсе не надо ходить по скитам и искать «духоносных старцев». Жизнь по воле Божией невозможна без скорбей, страданий и иных испытаний, а они равно посещают людей, решивших жить по воле Божией, отсиживаются ли они в далеком скиту или пребывают в миру. Такие люди не задают Богу вопрос «За что?». Они понимают: если Господь им что-то попустил, Он тем самым помог им избавиться от какой-то страсти, избежать греха, то есть помог им стать лучше, или, говоря языком Евангелия, сделал их более благонадежными для Царства Небесного.

— **Исполнение воли Божией невозможно без смирения, это очевидно, так? Но есть еще и другое состояние человека — покорность. Как повашему, есть разница между этими понятиями?**

— А насколько оно другое, это состояние, и в чем его инаковость? Покорность — это слово светское, его вы не встретите ни в духовной литературе, ни в Евангелии. Вы задали вопрос, и я, пожалуй, впервые задумался над этим... Они близки по своей сути — смирение и покорность, но назвать их абсолютными синонимами я бы не взялся. В покорности, на мой взгляд, присутствует некий элемент безволия, тогда как смирение — это сознательное и как раз волевое подчинение себя. Покорность, равно как смирение и терпение, сближаются в своих значениях, когда человек понимает, что исполняет волю Божию. Но если человек покоряется злу, тут, мне кажется, использовать понятие *смирение* неуместно. Смирение изначально несет в себе позитивное содержание. А покорность, она разнолика и может равно служить что добру, что злу. Это зависит от обстоятельств и от того, кто является ее носителем, что за личность.

— **Смирение как осознанное исполнение воли Божией — лично мне это очень подходит. Именно такое соотношение я понимаю и принимаю.**

— Это очень важно — определиться с понятиями, потому что только так возможно проявить и очертить свою позицию, показать себе и другим, по какую сторону баррикады мы находимся.

Если мы принимаем смирение как одно из главных условий правильного человеческого бытования, значит, мы понимаем (и принимаем), что нас ожидают важные внутренние, духовные перемены. И что нас на этом пути ожидают немалые трудности.

– Борьба со своей самостью?

– Назовем это так. Смирение – это состояние вообще не присущее природе человека после его падения. Это свойство ангельское. А человеку по его естеству смиряться непривычно. Он не хочет смиряться. Он хочет, чтобы все было по его хотению, как ему было бы интересно и удобно. Ангел, выбравший своим назначением исполнение воли Божией еще от создания мира, не меняет линии своего существования, а нам все не удается. То мы пытаемся постигнуть волю Божию и исполнять ее, потому что Евангелие зажгло перед нами искру божественного света, то вдруг ни с того ни с сего поворачиваемся спиной к этому свету и пускаемся во все тяжкие по собственной колее и чаще всего оказываемся в кювете. Все время находимся в состоянии какого-то круговращения – то одно, то другое... То хотим почувствовать эту радость смирения, то ведем себя так, словно этого состояния и вовсе не существует.

– Смирение – состояние не из простых.

– Еще бы! Это очень болезненная штука. Как горчайшее лекарство или прижигание раны. Рано или поздно под воздействием христианских практик оно к нам приходит, но не надо обольщаться и поживать на лаврах: вот, мол, теперь я весь из себя смиренный и так далее. Смирение – как пойманная птица: в любой момент может упорхнуть, тем более что человек, как мы уже говорили, совсем к нему не расположен.

– Смирение предполагает осознанное отношение к своему поведению, точнее – к отношениям с Богом. При этом человек старается глубоко вникнуть в существо того, что он совершает. Нет ли здесь соблазна у верующих прикрыться более тщательным исполнением обряда, чтобы по видимости все выглядело правильно и пристойно? Что говорит вам ваша пастырская практика?

– Обряд есть форма, в которую облачаются духовные истины. И таинства, и молитва – да вся церковная жизнь

невозможна без соблюдения обряда. Собственно, сама церковная жизнь – это тоже обряд. Отмените его – и всё распадется. Форма совершенно необходима, ибо без формы не может быть содержания. Ему просто не в чем, простите за тавтологию, содержаться. Сам Господь преподал нам пример того, как без формы не может быть содержания: его молитва «Отче наш» и есть, если хотите, форма, обряд. Что касается непосредственно вашего вопроса, – да, такая опасность есть: порой хочется спрятать за внешним благообразием недостаточную глубину чувств и ясность понимания.

– Как вы считаете: есть возможность избежать этого соблазна?

– Вообще-то можно избежать любого соблазна, было бы желание. Что касается нашего с вами случая, здесь, конечно, многое зависит от пастырей. Их опыт помогает определить, у кого из прихожан с этим не очень благополучно, а положение священнослужителя позволяет внести тактичные и необходимые коррективы. А вообще-то эта проблема вневременная, то есть нельзя сказать, что вот, мол, раньше было лучше. Всё упирается в конкретного человека, с него начинается и на нем кончается.

– И подвиг постижения веры доступен практически каждому?

– Безусловно! Единственное, о чем следует помнить: подвиг этот не требует замысловатостей. Он должен быть прост, как сама вера, как Сам Господь Бог. Вспомним, что говорит Христос, ставя перед учениками малое дитя. Не будете как дети – не наследуете Царства Небесного. А что значит быть как дитя? Быть таким же простым, ясным, не искушенным грехом. Ребенок искренен, не склонен лукавить, не склонен ко злу. Вот такое дитя есть идеал для каждого. О такой жизни действительно можно сказать: так жить хорошо. Но мы, взрослые, к сожалению, не можем быть такими, хоть и хотим такими быть. Чтобы приблизиться к этому идеалу, нам нужно перестать анализировать непростые явления жизни: «Бог может попустить то-то и то-то... Как могло бы быть, если бы?...» ну и так далее. Но эти вещи непостижимые. Чем старше я становлюсь, тем больше я в этом убеждаюсь. Но мы в этом погрязли по уши. А нужно – что? Единое на потребу. Для нас с вами – это положиться на волю Божию. Я не по-

боюсь сказать, что хочу быть ребенком, который искренне, просто все воспринимает. Надо воспринимать мир непосредственно и даже зло надо воспринимать так же. Не пытаюсь докапываться, откуда что пошло. Все равно мы до этого не докапаемся, а вот прийти к неверному выводу – запросто.

– Вероятно, сказанное вами о необходимости стремиться к простому можно отнести и к вопросу об обряде?

– Безусловно. Обряд может быть очень красив, а может быть очень прост. Например, богослужение в городском соборном храме и богослужение монастырское, например в небольшой обители на Афоне. Это же небо и земля! Но так с одной стороны. С другой же – и там и там одна и та же истина, одна и та же символика, одни и те же слова и образы. Наконец, один и тот же Бог! Это я к тому, что и тут не надо докапываться до каких-то смыслов, искать что-то особенное. Нужно все воспринимать просто. Таким, какое оно есть, а не как нам видится, кажется или думается.

– Но тем не менее обрядоверие существует.

– Да, есть такое понятие. Оно вызывает малопривлекательные ассоциации. Человек полностью погрузился в исполнение внешней стороны, и его уже мало волнует внутреннее содержание церковной жизни. Это опасное увлечение. Оно присуще малообразованным неопитам, лишенным к тому же духовного руководства. Скажу, наверное, жесткие слова, но куда деться... Эту категорию людей я не могу назвать верующими. Они думают, что они верующие, но в действительности они отпали от Церкви и от Бога. Всё, что они говорят, о чем молятся, – всё это идет мимо, уходит в песок. Возможно, такой человек что-то внутри себя и носит, но до Бога это не дойдет. Они отличаются от иных пожилых и малообразованных людей, которые в силу обстоятельств не смогли наполнить себя знаниями. Но это люди глубокой веры, и они заслуживают уважения. А вот та категория, о которой мы говорим, – это худшая форма обрядоверия, потому что они лгут. И Богу, и себе, и людям.

– Упаси нас Господь от этой напасти.

– Аминь!

Беседовал Павел Демидов

Две нити, ведущие к тайне будущего века

Обычно наш постоянный автор киевлянин Сергей Комаров выступает в журнале solo. Но то, как он подошел к теме сегодняшнего номера, буквально напрашивалось на другой жанр, а именно – на беседу. Так и состоялся этот диалог.

– Думаю, разговор о воле Божией следует начинать с того, что она открыта нам в Священном Писании. Это простая вещь, о которой мы часто забываем.

– Вы можете ее сформулировать?

– Библия сообщает, что воля Божия состоит в спасении человека. Об этом свидетельствуют многие библейские стихи. «...Воля Божия есть освящение ваше...» (1 Фес. 4:3). «...Преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12:2). «За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе» (1 Сол. 5:18). Освященный, внутренне преобразованный, благодарящий Бога человек – это спасающийся человек. Господь желает, чтобы мы все сделали таковыми.

– Это, так сказать, взгляд в целом. Взгляд Бога на всех нас. Но мы – это сообщество конкретных личностей, и каждой прежде всего интересна она сама.

– Если говорить о жизни отдельно взятой личности, Господь являет Свою волю на ней через особое действие, именуемое Промыслом Божиим. Также в процессе нашего спасения Всевышний может попускать нам впадать в какие-то непростые ситуации, где мы испытываемся, познаем себя. Возможно, что мы согрешили в такой момент. Сразу рождается вопрос: есть ли воля Божия на то, чтобы мы грешили? Ответ: нет. Но по Божьему попущению мы все-таки согрешаем. Можно задать еще один вопрос: почему?

– Наверное, мы подходим к одному из главных и сложных вопросов – воля Божия и попущение Господне. Между ними – словно невидимая демаркационная линия.

– Здесь мы можем обозначить границу между волей и попущением Божиим. Господь иногда промыслительно оставляет нас, чтобы мы поняли, что такое жизнь без Него, и учились делать добро по своему осознанному выбору. Оставив же, Он попускает нам согрешить – для того, чтобы мы, упав, поднимались и шли дальше, очистив свою душу покаянием и набравшись опыта борьбы со грехом. «Все эти беды случаются ради достиже-

ния праведных целей Промысла Божия; один только грех противен Богу (подобно тому как зло противно добру или ложь противна истине), но попускается Богом ради ненарушения личной человеческой воли, или его свободы»¹, – писал святитель Иоанн Тобольский.

– Эта мысль требует внимательно-го и глубокого осмысления. Не просто сразу вместить, что попущенное зло может привести к праведной цели.

– Вот произошло какое-нибудь зло – допустим, кто-то кого-то убил. Это зло от человека или от Бога? Ни тот ни другой ответ не является правильным. Зло сотворил человек, но не без попущения Божьего. Если бы Всевышний не попустил, зло не случилось бы. Неужели Господу угодно, чтобы происходило зло? Нет, не угодно. Но нам не дано до конца понимать, что для нас в конечном счете является или не является злом. Страдание – не обязательно зло, через него можно обрести Бога. Смерть для христианина также не является злом. «...Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Флп. 1:21), – писал апостол Павел.

Бытие человека делится на две неравноценные части – временную жизнь и вечную. Мы не знаем, какое значение в вечной жизни будет иметь то или иное событие. Христианство говорит нам, что боль, страдание и даже смерть верующего человека в грядущей жизни разрешатся радостью нового бытия. «Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет» (Ин. 16:20). Поэтому любые попущения Божии спасительны для нас – если только мы сохраним веру и извлечем из испытаний правильный урок.

– Мне не раз приходилось встречаться с ситуациями, когда вполне верующие, церковные люди, полагаясь на волю Божию и готовые подчиняться ей, именно в силу этого как бы отучаются пользоваться собственной волей или пользуются ею крайне неумно.

¹ Иоанн Тобольский (Максимович), святитель. Иллотропион. Электронный ресурс: <https://predanie.ru/ioann-tobolskiy-svyatitel/book/72152-iliotropion/>

– Воля Божия находится в теснейшей взаимосвязи с волей человека. В богословии эта взаимосвязь называется синергией. Вообще вся наша духовная жизнь имеет синергичную природу. Это важно помнить, чтобы не думать, что воля Божия детерминирует наше бытие. Действие воли Божией в нашей жизни – это очень живой процесс. Можно сказать, что мы редактируем волю Божию о нас нашими решениями, а наши решения, в свою очередь, редактируются волей Божией.

– Вы сказали: «редактируем волю Божию»?

– Редактируем волю Божию – в том смысле, что мы имеем свободу поступать вопреки воле Всевышнего о нас. Например, Господь говорит нам: сделай так-то (говорит через обстоятельства жизни, мысль, чувства, через других людей). Но мы часто поступаем по-своему. Получается, мы изменили назначенный Богом маршрут. И тогда происходит то же, что и при отклонении с маршрута автомобильного навигатора. «Маршрут перестроен» – говорят нам. Творец попустил нам сбиться с дороги, учитывая наши желания и наши проблемы, но Он и вернет нас на «трассу» через ряд других попущений.

Попущения Божии имеют ту же синергичную природу. Господь попускает нам искушаться именно тем, что нам необходимо победить для своего спасения. И мы побеждаем или побеждаемся – для того, чтобы перешагнуть через что-то и идти дальше. Или же для того, чтобы понять свою проблему и воззвать к Отцу Небесному о помощи.

– Синергичные отношения человека с Богом, о которых вы говорите, с одной стороны – великое благо для человека. Но с другой – и немалое обременение: человеку постоянно нужно выбирать, то есть принимать решение, а это всегда сложно. Не находите?

– Конечно. Мне, например, интересна такая важная тема, как выбор профессии. Есть тысячи случаев, когда люди ошибаются и выбирают не свое. Был бы хорошим сапожником, а стал плохим музыкантом. Был бы замечательным военным, а стал слабым и незначительным актером. Здесь опять же всплывает тема воли Божией и попущения Божьего. Ошибившийся в выборе профессии человек в некотором смысле не выполнил

волю Божию о себе, но на его ошибку было поущение свыше и ошибка может послужить человеку во спасение. Через наши падения и восстания, ошибки и поправки Господь ведет нас в Свое Царство, всегда находя способы привлечь к Себе.

– Сколько же от нас Господу хлопот!.. От нашего упрямства, от наших рефлексий, от наших эмоций...

– Мы вообще плохо знаем себя. Порой мы не отдаем себе отчета, какие дары в нас заложены. Где-то я читал рассказ известного писателя архимандрита Рафаила (Карелина) о том, что он начал писать книги после пятидесяти лет. Если бы ему раньше кто-то сказал, что он станет писателем, он бы очень удивился. Как это интересно, как замечательно! В студенческие годы я знал одного человека, который учился на пианиста и поражал друзей незаурядными музыкальными способностями. Потом мы не виделись десять лет. Встретив его вновь, я с изумлением узнал, что прекрасный пианист стал выдающимся специалистом... по автогонкам! И даже написал несколько книг на эту тему. На мой вопрос, играет ли он на рояле, он только махнул рукой.

– Найти себя... Вашему знакомому, можно сказать, повезло.

– Но тут есть один острый момент: ладно, если вместо пианиста кто-то стал специалистом по гонкам или наоборот. А вот если стал плохим врачом или бездарным учителем – что тогда? Такая ошибка может быть губительна для многих людей. Или, чего доброго, стал священником без благословения Божьего. Для того чтобы все получилось по Божьей воле, надо внимать себе, пробовать разные варианты и молиться Господу о помощи в выборе жизненного пути. Иначе есть опасность прожить не свою жизнь. Человек очень сложен и глубок и всю жизнь должен познавать самого себя. Самопознание касается темы познания воли Божией, эти две грани взаимосвязаны. Познавший себя более способен к познанию воли Божией, нежели человек легкомысленный и невнимательный. Видение себя открывает путь и к богопознанию, ибо человек есть творение Божие.

– Знаете, Сергей, не перестаю удивляться и восхищаться: насколько Священное Писание, с одной стороны, глубоко, всеобъемлюще, а с другой – просто и конкретно. Бери и живи.

– В трудах святителя Иоанна Тобольского, я его уже вспоминал, присутствует такая мысль: воля Божия есть Его заповеди. Эти простые по-видимому слова име-

ют в себе большую глубину. Грустно бывает видеть порой, что человек мятется, нервничает, ищет старцев, чтобы узнать: покупать или продавать квартиру? переезжать ли на новое место? жениться или нет? менять ли работу? Он изнемогает, желая узнать волю Божию, – и в то же время не хочет исполнять самых малых заповедей Евангелия. Он относится к воле Божией как к сложному ребусу, который необходимо решить, но у него нет духовной жизни, нет общения с Живым Христом. И у него даже не возникает вопроса: неужели Богу нужно было что-то «зашифровывать», чтобы мы мучились в поисках правильного ответа?

Как важно помнить, что Бог желает, чтобы мы созрели для исполнения Его святой воли и шли по жизни вместе с Ним! Творец создал нас для того, чтобы мы сердцем следовали за Его словом, имели Духа в себе и были Божьими людьми. Это не значит, что тогда мы не будем ошибаться, нет. Даже святые нередко ошибались в своих решениях. Но качество наших решений и сам поиск путей для них должны быть другими – не такими, как решение какой-то сложной математической задачи.

– Вы могли бы сформулировать, кто такой христианин, – в контексте нашего разговора?

– Христианин – это человек, который встал на стезю сотворчества с Богом; который обращает внимание на то, как он слышит и слушает Господа. И если в жизни верующего нет связи с Богом, нет и малейшего намека на богообщение – какая разница, разменяет он квартиру или нет, переедет или нет, женится или нет, купит что-то или продаст?! Спасение – в жизни с Господом, а не в «правильном» или «неправильном» решении. Правильно – это когда с Иисусом. И если мы и поступили как-то глупо, как-то действительно неправильно, то разве Он не поправит нас, как отец с любовью исправляет ошибку ребенка? Разве Он не введет нас в Свое Царство, если мы действительно хотим быть там и настоящему любим Христа?

– Нет ли соблазна легкого отношения к своим ошибкам, а за ними и ко грехам, если мы знаем любовь к нам Господа, его всепрощающую доброту? И что за этим может последовать?

– Если человек совершил ошибку и сделал не то, что Творец от него хотел, он ошибся по поущению Божию. Благий Господь и наши ошибки способен превратить в средство ко спасению,

если только мы любим Бога и желаем спастись. «...Знаем, что любящим Бога, призванным по [Его] изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28), – писал апостол Павел. «Потерпел ли ты нечто злое: если не желаешь, чтобы оно было злом для тебя, благодари Бога, и вот уже это зло превратилось в добро, в этом – высокая мудрость»², – говорил святитель Иоанн Златоуст.

Но – если человек идет по жизни от поущения к поущению, не желая понять, чего Бог хочет от него, это уже печально. Тогда уже есть опасность искутить Господа и всякое поущение от Него может стать последним...

– Наша беседа подходит к концу. Может быть, несколько слов в заключение?

– Мне кажется, важно помнить: познание воли Божией о себе всегда сопряжено с духовно-нравственным трудом. Прежде всего здесь нужна молитва. «...Молись Всевышнему, чтобы Он управил путь твой в истине» (Сир. 37:19). Необходимо внимание к обстоятельствам жизни (ибо и через них действует Господь), также внимание к своему сердцу, совет с более опытными друзьями. Прекрасно, когда есть хороший духовник. Но если и нет такого, то всегда найдутся более старшие, более умные, более зрелые люди вокруг нас. Через вдумчивую беседу с ними мы также познаем волю Божию о себе. «У всякого благоразумного проси совета, и не пренебрегай советом полезным» (Тов. 4:18), – говорит нам Священное Писание.

Воля Божия и воля человеческая. Две нити, связанные в узел нашей жизни и ведущие к тайне будущего века. Там мы встретимся с Господом и узнаем больше о Его воле, Промысле, поущениях. Но главное, что мы увидим Его Самого – Того, с Кем мы должны проходить свой жизненный путь. Пусть падая и ошибаясь, пусть останавливаясь на пути или сворачивая в сторону – но с Ним, с Богом, во Христе. И если мы пройдем свою жизнь так, мы будем с Богом и в смерти, и в воскресении, и в вечности. Именно туда зовет и ведет нас Божественная воля.

– Благодарю вас!

– Взаимно. Бог в помощь.

*Собеседником Сергея Комарова
был Павел Демидов*

² Цитируется по: Иоанн Тобольский (Максимович), святитель. Илиотропион. Электронный ресурс: <https://predanie.ru/ioann-tobolskiy-svyatitel/book/72152-iliotropion/>

Скажите, пожалуйста...

 <i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i>	<i>Елена, домохозяйка</i> 	<i>Даниил, дизайнер</i> 	<i>Елена Миронова, нейропсихолог, психотерапевт</i>
Приходилось ли вам почувствовать на себе волю Божию? В чем это выражалось? Припомните пример.	Да, конечно. Если я спрашивала как бы совета, Он мне внутренне, интуитивно давал ответ. Я что-то делала и понимала, что, да, так, наверное, должно было быть. Правильно. Голос внутри меня мне помог.	Да. Когда мои планы нарушались, возникало событие, которое оказывалось лучше. Я не поступил в полиграфический институт и очень расстроился. А на следующий год оказалось, что курс, куда я попал, оказался лучшим.	Воля Божья, конечно, присутствует в моей жизни. То, чем я занимаюсь, – это однозначно пример Божьей воли. Всё очень промыслительно.
А попущение Господне? Его вы испытывали? В каком случае?	Если сделала что-то неправильно, попускалось вразумление. Конкретный пример сейчас не вспомню. Да, бывало такое, что потом себя корила за то, что так поступила.	Тоже испытывал. Всегда на ум приходят житейские истории, связанные с теми же самыми болезнями. Они возникают, и ты задумываешься о том, что ты не вечен.	Попущение? Для меня, наверное, это допуски в работе, то есть вопрос, кто прав, кто виноват и на чьей я стороне. Поэтому я считаю, что это попущение Господне, а насколько я соответствую замыслу Божию, тут не мне судить.
Случалось ли вам сознательно идти против воли Божией? То есть вы понимали, что так нельзя, и тем не менее поступали.	Да, бывало, делала, поступала против воли Божьей. Понимала, что так нельзя, но брала на совесть грех.	Похожий пример. Случается редко.	К сожалению, да. Случалось, что я понимала, что так делать нельзя, но тем не менее поступала. Сейчас стараюсь так не делать.
Как вы скорее воспринимаете попущение Господне: как наказание за содеянное или как предупреждение на будущее?	Я думаю, что скорее как наказание, но извлекаешь для себя урок. Получается, что ты предупрежден на будущее.	Скорее я воспринимаю попущение, что я человек и не пуп земли.	Попущение, на мой взгляд, – это предупреждение на будущее, но никогда не наказание.
В ком вам лучше видно, что нарушается воля Божия: в себе или в окружающих?	Надо начинать с себя, конечно. Поэтому, когда нарушается воля Божья, с себя начинаю, а потом уже на окружающих смотрю.	Наверное, чаще в окружающих. Иногда смотришь: что же ты такой безбожник, а про себя думаешь, что я еще ничего, нормальный. А все наоборот.	Когда нарушается воля Божья, хотелось бы видеть только в себе, но чаще я это вижу, увы, в окружающих.

<i>Никита, школьник</i>	<i>Галина Геннадьевна, искусствовед</i>	<i>Вадим Петрович, трудник</i>	<i>Елена Александровна Кажарская, пенсионерка</i>
		Фотографироваться не захотел	
Иногда я прохожу мимо людей, которые нуждаются в помощи. Допустим, кто-то поскользнулся и упал. Внутри что-то двигает и заставляет помочь этому человеку. По моему мнению, в этом и выражается воля Божья.	Очень часто приходилось почувствовать на себе волю Божию. Когда нужно что-либо решить по работе, стоит сосредоточиться, помолиться – и ты находишь тот материал, который тебе необходим.	Конечно, приходилось чувствовать волю Божию неоднократно. Много раз Господь спасал. Поначалу этого как бы не осознаешь, но спасал из таких ситуаций, которые казались – всё! Совершается, как мы это привыкли называть, чудо.	Да. Когда противишься, а тебе сверху и говорят: «Нет, по-другому будет, не так, как ты хочешь». И оборачивается, что именно этот правильный путь. У меня онкология была год назад. Вроде всё, а она прошла.
Бывало такое, когда совершил что-то не очень хорошее. Допустим, обманул, и со мной произошло событие, которое еще хуже на мне сказалось, а лучше на том человеке, которого обманул. Это и есть попущение Господне.	Никогда. Попущение я понимаю как послабление в какой-то степени, когда ты совершаешь грех и тебе это прощается. Грехи не прощаются, в них нужно каяться.	Да, довольно часто в миру мы начинаем унывать, скорбеть. Господь посылает нам какие-то искушения, трудности, болезни. Он пытается нам что-то сказать, чтобы мы исправились, и когда мы это понимаем, снова возвращаемся ко Господу.	Сразу полагаюсь на волю Божию: значит, так надо. Когда папа попал в больницу, я ему сказала: «Это Господь тебя усмирил, чтоб не бегал между дачей и домом, а полежал и подумал о чем-то другом». И с мамой такая же история.
Против воли Божьей я шел, да. Если, допустим, кого-то обидел, я понимал, что так нельзя, но продолжал из-за злости, ругал его.	Да, поступала, но потом всегда каялась. Порой это не всегда было сразу, но позже я вспоминала и каялась в этом.	Да, я иногда понимал, что так нельзя, и поступал, но не потому, что я старался идти против воли Божьей. По немощи: я понимал, что этого нельзя делать, но мне так хочется. Мы, конечно, падаем, отступаемся несознательно. Против Господа невозможно идти.	Может быть, я слушаю, не хочется же признаваться, что идешь против воли Божьей. Но жизнь есть жизнь и мы все люди слабые. Порой просто не замечаешь, как начинаешь своевольничать. А хватишься – батюшки мои!..
Попущение Господне я воспринимаю как наказание.	И как то и как другое.	Через попущение Он пытается что-то сказать, предупредить, и наша задача научиться слышать и видеть, потому и попускает, чтобы мы исправились, пришли к Нему, обрели жизнь вечную.	Я воспринимаю это как надо – и как наказание, и как предупреждение, и как урок.
К сожалению, я больше замечаю в окружающих. Я понимаю, что это плохо: стоит на себя смотреть. Но, к сожалению, я очень редко обращаю на себя внимание.	Чаще всего я осуждаю себя. А вообще-то, нужно помнить Евангелие: «Не судите, да не судимы будете». Вот и весь ответ. Если всё же кто-то был неправ, я виновата в том, что у меня такое окружение.	Лучше видно в себе. Себя, хотя и не до конца, мы лучше знаем, где, и когда, и как. На себе виднее волю Божию и когда ты ее нарушаешь.	В окружающих и в себе видно. Кажется, прокатит – не прокатывается. Просто для тебя или другого человека дается время, а если ты продолжаешь делать, то все равно тукнет.

Спасский храм и его спасатели

Есть на рязанской земле такое село – Борки. А в тех Борках есть храм Спаса Нерукотворного, который изображен на первом снимке. В прежние, досоветские годы храм выглядел иначе (смотрите второй снимок). Вы уж, дорогие читатели, не взыщите за качество фотографии: как-никак история, далекое прошлое...

У каждого храма, пережившего годы государственного безбожия, несомненно, есть своя история. Есть она и у церкви Спаса Нерукотворного, что в Борках. Но прежде чем рассказать о ней, право, стоит заглянуть подальше в глубь веков, когда на этом месте стоял храм Рождества Христова. Сохранились интересные документы тех лет, а документ – он же обладает особой силой достоверности. С документа – официальной истории храма – и начнем.

Село Борки с находившеюся там церковью Рождества Христова, первоначальное построение которой неизвестно, упоминаются в касимовских окладных книгах (обратите внимание!) 1674 года. У той церкви двор попа Корнилия, двор вдовой попадьи, а владеет она поповскою землею, двор дьячков, двор просвирицын да приходских: помещиковых три двора, крестьянских шестьдесят пять дворов. Деревня Симакина, а в ней помещиковых три двора, крестьянских четыре двора да пять дворов бобыльских. Да по сказке попове сенного покосу на десять копен.

В писцовых и межевых книгах Шацка и Касимова 1684 года в селе Борки показано два храма – Рождества Христова шатровый, другой теплый Николы Чудотворца. В отчетах более поздних лет читаем: *Прошение о построении,*

вместо обветшавшей деревянной, ныне существующей каменной церкви во имя Спаса Нерукотворного образа с приделами Успенским и Никольским подано было вдовой помещицею Матроною Антипиевой дочерью Мельгуновой 8 сентября 1805 года; причем испрашивалось разрешение поставить означенную церковь на могилке полковника Тимофея Кириллова Мельгунова.

В 1808 году 24 сентября дочь Мельгунова девица Вера Тимофеевна испрашивала дозволения на устройство новых иконостасов на ее собственное иждивение, что ей и было разрешено.

В 1809 году тою же Мельгуновоу испрашивалось у преосвященного Феофилакта (Русанова) разрешение устроить при каменной церкви училище для крестьянских детей также на ее собственный кошт.

В 1810 году 20 июля испрашивалось дозволение на освящение новопостроенной церкви первому Касимовского духовного Правления присутствующему первостоятелю Поликарпу Поликарпову. В том же прошении Мельгуновой высказывалось желание, чтобы вместе с освящением церкви последовало и открытие училища, так как училище ею было также отстроено. Указом Консистории Касимова от 5 августа 1810 го-

да священнику Николаевской церкви Иоанну Васильеву предписано было освидетельствовать новопостроенную церковь и составить опись ее имущества. Из описи, представленной в Консисторию священником Николаевской церкви, видно, что вся утварь и ризница новопостроенной Спасской церкви устроена на иждивении Мельгуновой, которая и словесно объявила, что не только к освящению храма нужнейшие вещи доставит, но и, по освящении онаго, будет снабжать ризницей и прочею утварью. Тем не менее освятить в селе Борках каменную церковь Консисторией предписано было Поликарпу Поликарпову только в 1811 году.

В 1872 и 1873 годах приделы в Спасской церкви были значительно распространены и вновь устроена каменная паперть.

В состав прихода входят село Борки и деревня Симакина, в коих при 216 дворах числится мужского пола 576, женского пола 652 человека, в том числе грамотных 250 мужчин и 70 женщин.

Особо необходимо сказать о священническом роде Рябцевых (к которому принадлежит священномученик Матфей (Рябцев), первомученик Касимовский). В 1821 году эта фамилия была дана 9-летнему мальчику Гавриилу, Касимовской округи села Ибердуса Предтеченской церкви умершего дьякона Алексея Гавриилова сыну, принятому на обучение в Касимовское духовное училище. Служить в сане священника Гавриил Алексеевич Рябцев начал в селе Борки Касимовского уезда в 1837 году. В 1849 го-

Из священнослужителей церкви с.Борки известны:

Священники:

Мартин	+1668г.
Корнилий	1674-1676гг.
Григорий (Мартынов)	1684г.
Григорий (Григорьев)	1684г.
Михаил (Леонтиев)	1699-1740гг.
Антипий	+1740г.
Евгений (Андроников)	1740г.
Андрей (Гаврилов)	1740г.
Иоаким (Васильев)	1786г.
Артемиий (Андреев)	+1800г.
Иоанн (Артемиев)	1800-1811гг.
Максим (Иоакимов)	1811-+1819гг.
Иоанн (Лебедев)	1819-1824гг.
Алексий (Городковский)	1833-1834гг.
Гавриил (Ряцев)	1837-+1849гг. 26 октября нов.ст.
Гавриил (Быстров)	1849-1850гг. врем. исп. обязанности
Ерофей (Лукин)	1850г. исп. обяз.
Симеон (Лубиновский)	1850г. исп. обяз.
Никифор (Некрасов)	1858г. исп. обяз.
Иоанн (Остроумов)	1858-1860гг. исп. обяз.
Михаил (Смирнов)	1860-1899гг. умер 4.06.1912г. нов.ст.
Иоанн (Борисов)	1899-1930гг.
Иоанн (Целомудров)	1931-1938гг. расстрелян 10.01.1938г.
пр.пер. Евгений (Климентовский)	1946-1948гг. умер 10.12.1953г.
пр.пер. Иоанн (Маркин)	1948-+1957гг.
пр.пер. Виктор (Спасский)	1959-1961гг.
пр.пер. Григорий (Юдин)	1963-1976гг. умер 29.09.1977г.
пр.пер. Михаил (Конов)	1976-1983гг. умер 24.10.2001г.
пр.пер. Тимофей (Мантров)	1987-1989гг. умер 10.05.2004г.
пр.пер. Владимир (Черкасов)	1989-2001гг. умер 10.11.2005г.
иг.Иосиф /Дегтярь/	2001-20 г.
пр.пер. Иоанн (Патрин)	1983-1987гг. умер 22.06.1995г.

Диаконы:

Дюмид (Самсеев)	1795г.
Лев (Самсеев)	+1814г. 21 ноября нов.ст.
Авдей (Дюмидов)	1800-+1838гг.
Георгий (Петропавлов)	1840-+1857гг.
Петр (Паладин)	1897-1898гг.
Сергий (Соловьев)	1917г.

ду произошла какая-то трагедия, отец Гавриил 38 лет отроду умер 13 октября по старому стилю *от полому ноги*, как сказано в кияровых ведомостях. А 15 октября был отпет и погребен у храма.

Священническое место за смертью отца Гавриила Рябцева предоставлено было *до усмотрения* за осиротевшим семейством, а должность священническую исполняли в разное время священники соседних приходов. В семье почившего значились жена Пелагея Ивановна (33 лет) и ее дети: Михаил (12 лет), Иоанн (8 лет), Мария (6 лет), Лука (4 лет) и Анна (1 года). Самый младший сын Пелагеи Ивановны, названный в память отца Гавриилом, родился после смерти батюшки – 26 февраля 1850 года. Восприемницей при крещении родившегося сироты соизволила быть помещица *села Борки майорша Антуанета Мельгунова*. С тех пор вдова Пелагея Ивановна пользовалась доходами от предоставленного за осиротевшим семейством священнического места. Кроме семьи Пелагеи Ивановны в доме священника в Борках жила мать умершего батюшки Гавриила вдовая дьяконица Дарья.

В 1860 году сочетались браком *сын дьячка Михаил Васильевич Смирнов и дочь умершего священника села Борки девица Мария Гавриловна*. А Михаил Гаврилович Рябцев, старший сын, по окончании учебы стал псаломщиком в селе Николаевская Тума. В будущем его сын иерей Матфей Михайлович Рябцев в ноябре 1918 года, будучи служителем касимовского храма, примет мученическую кончину. А уже в 2000 году он будет прославлен в лике святых.

Вдова священника Гавриила пережила мужа намного, она до конца дней своих жила с дочерью Анной, так и не вышедшей замуж, обе жили на попечении церкви, исполняя должность просфорницы, сначала мать, а по ее кончине и дочь. Пелагея Ивановна Рябцева умерла 78 лет, 5 октября 1898 года.

Иерей Михаил Васильевич Смирнов окончил Рязанскую семинарию и был рукоположен во священника к церкви села Борки. Отец Михаил оказался подвижником, оставившим заметный след в духовной жизни *села*. С 1861 по 1894 год он занимал долж^{но}сть учителя и попечителя в церковно-приходском училище, им открытом, безвозмездно доставляя средства для оногo. Первые годы он содержал училище в своем собственном доме более чем для 30 человек. С 1894 года занимал

должность законоучителя при вновь открытой земской школе.

Епархиальное начальство неоднократно отмечало отца Михаила наградами: набедренником, скуфьей, камилавкой, наперсным крестом, денежными наградами за труды в церковноприходской школе, не раз он получал благословение от архипастыря и Святейшего Синода. А в марте 1892 года сопричислен за народное образование к Императорскому ордену Святой Анны 3 степени. В 1899 году он был уволен за штат по собственной просьбе. Умер отец Михаил 4 июня по новому стилю 1912 года и был погребен у храма. Его могила и поныне почитается народом.

...Наступил XX век – век смуты и го^{но}ний. Во всей округе были закрыты храмы, беда пришла и в Борки. Находившийся у стен храма древний сельский погост, захоронения на котором датировались с первой половины XVII века, был закрыт. Но новой власти этого показалось мало, и она устроила рядом с могилами своих же предков двор для лошадей, а впоследствии пилораму. Через всю территорию обширного сельского кладбища по могилам была проложена дорога, впоследствии водопровод, а часть территории отдана под застройку жилыми домами. Были запрещены традиции крестных ходов и молебных пений на водоемах. В это время вместо отца Иоанна Борисова в храме служил иерей Иоанн Григорьевич Целомудров. Он вступил на служение в Спасском храме 22 октября 1931 года, а 11 декабря 1937 года был арестован и уже 10 января 1938 года расстрелян. И с этого времени начинаются попытки к разорению и осквернению храма. Но нашлись люди, не утратившие встать на защиту святыни. Таким человеком стала раба Божия Марфа Михайловна Соколова, волей судьбы ставшая хранительницей ключей от храма. Она, как и многие с особым трепетом относившиеся к уже почившему священнику Михаилу Васильевичу Смирнову, помнила его предостережения о грядущих бедах Церкви и Отечества. Она, подкрепляемая искренней, чистой верой, с терпением преодолевала нападки властей сельского совета, требующих ключи от храма. Претерпев всё, даже до ареста, совестью не поступилась. Власти, видя такую твердость, в порыве гнева сорвали замок с первой двери и засыпали в притворе телегу ячменя; проникнув на колокольню, сняли колокола и утопили их в реке Оке.

После расстрела отца Иоанна Целомудрова священников в храме не было,

но храм официально так и не был закрыт и разорен. Несомненно, все это стало возможным не по простому стечению обстоятельств, в этом виден Промысл Божий. Ведь в эти страшные для нашего Отечества годы закрывались не просто храмы, а с лица земли стирались древние соборы и монастыри с многовековой историей. И что стоило поступить так и со Спасским храмом в селе Борки, если бы было на то попущение свыше. Сегодня мы понимаем, что благодаря представительству пред Господом новомучеников и исповедников Российских, в том числе и священномученика Матфея Рябцева, дед которого служил и умер в селе Борки, а бабка и две тетки по отцу (Мария и Анна) прожили всю свою жизнь в родном селе, все это вкупе способствовало сохранению храма для нас. На протяжении нескольких десятилетий жизнь храма протекала как бы и незаметно в молитве и борьбе за существование, но в этой неприметности совершалось самое главное – тихое общение с Богом.

На многие десятки километров в округе не было ни одного действующего храма, а под сводами Спасской церкви у древних икон непрестанно теплилась молитва, сохранившая преемственность поколений. С городов и весей тянулись люди сюда со своею радостью и болью, получали здесь утешение и духовную поддержку. Лишь одному Богу известно, сколько людей получило Святое Крещение, сколько венчалось и отпевалось в стенах этого храма за годы правления безбожных властей.

Постепенно, с окончанием XX века, завершалась и эпоха притеснения Церкви. Возобновилась традиция ежегодного молебного пения и освящения вод Святого озера в день памяти святых верховных апостолов Петра и Павла 12 июля. С наступлением нового тысячелетия начинается и новая жизнь Спасского храма, сохранившая традиции и преемственность молитвы в своих стенах.

С верой и надеждой всматриваемся в грядущие годы и ничуть не сомневаемся, что в стенах этого древнего храма не угаснет лампада и еще не одно наше поколение будет возносить свои молитвы к Богу, молясь об Отечестве, здравии родных и близких, о упокоении всех христиан православных, от начала века почивших. А величественное здание вновь и вновь будет возрождаться и преображаться трудами неравнодушных прихожан.

От редакции. А теперь, дорогой читатель, вместе помолчим и подумаем вот над чем. Строки из старинных отчетных книг XVII века. Немудреный язык, простое, без прикрас изложение. Жил, служил, жертвовал, строил, привечал... Упокоился. На смену пришел другой... И в самом деле, ничего выдающегося. Обычная, устойчивая, добропорядочная жизнь. Но налетел сатанинский вихрь революции – и всё полетело в тартарары.

Хотя нет, не всё. К счастью. А помешали этому обыкновенные, незаметные люди, у которых было только одно – вера в Бога. И ее оказалось достаточно.

Алтарник нашего храма Сергей Савцов родом из этих мест. Он-то и рассказал о храме в Борках. И предложил, поехав в те края, поговорить со своей бабушкой, которая хорошо знала Марфу Михайловну Соколову и ту историю с ключами. Вот ее рассказ.

Мария – о Марфе

Меня зовут Попова Мария Максимовна, рождена в 1930 году в селе Нармушадь Шиловского района Рязанской области, где проживаю и поныне. Пережила Великую Отечественную войну и являюсь тружеником тыла. Сама из семьи верующих, всегда, даже в самые тяжелые для православных годы, у нас в доме (иногда даже тайно) находились иконы и теплилась лампада.

Село Борки находится в нескольких километрах от нашего села Нармушадь, но в Борках единственный храм в нашей округе, который не был разорен и внутреннее убранство которого осталось в первоизданном состоянии. Ведь в 1930-х годах разоряли все церкви в ближайших селах: в Ерахтуре, в Рубецком, в Свинчусе и в нашем селе Нармушадь.

В Борках жила одна бабка Марфа Михайловна Соколова, сама она была старшей по храму Спаса Нерукотворного в селе Борки. Когда уже забрали последнего священника и было понятно, что совсем скоро придут закрывать и разорять храм (как это было уже в соседних селах), Марфа Михайловна пошла и закрыла храм на все замки.

Чтобы попасть в сам храм, нужно было пройти через две двери. Первая дверь эта уличная; открыв ее, можно попасть в притвор и вход на колокольню, а вторая дверь закрывала сам храм. Все двери, задвижки и замки были старинные, кованые, крепкие.

И когда пришло время, к Марфе пришли за ключами, а она говорила, что ключей у нее нет, что ключи остались у батюшки (которого к тому времени уже расстреляли). Но ей тогда не поверили и стали ее преследовать и гоняться за ней, а она все говорила, что ключей у нее нет. Тогда власти с огромным трудом смогли сорвать замки первой (уличной) двери храма, так они попали в притвор и проникли на колокольню, но вторую крепкую дверь, которая закрывала сам храм, сломать так и не смогли, там, видимо, был еще и врезной, внутренний замок.

Марфе приходилось прятаться в селе по несколько дней, она пряталась в крапиве, уходила надолго то в лес, то в луга; как она питалась, одному Господу известно. Но находились люди, которые предавали и доносили на нее, где она находится. Когда

ее поймали, то пытали и били, но она стояла на своем, что ключей у нее нет. Потом – когда отпускали – чтобы прийти в себя, она ночевала каждый раз у разных добрых людей, которые ее тайно прятали. Но все равно на нее доносили и ловили. В итоге ее посадили на два года в тюрьму, так и не добившись от нее ключей от храма.

Когда она отсидела свой полный срок, ее выпустили. К тому времени уже закончилась война, а так как в одном из соседних сел дали разрешение открыть храм, то многие местные жители стали писать письма властям с просьбой открыть храм в Борках. Примерно в 1947–1948 году было получено официальное разрешение открыть и проводить богослужение в храме в селе Борки. И когда прибыл священник для служения в эту церковь, то эта бабка Марфа пошла и открыла эту церковь ключами, которые она так берегла около десяти лет.

За эти годы в храме всё осталось цело, стояло всё на месте нетронутым, лишь множество свечей, лежащие кучей, слепились вместе и потекли и хранившаяся в бочках святая вода высохла, а сами бочки рассохлись. Ведь раньше, в то время, святая вода хранилась в деревянных бочках, не было еще железных баков.

Хранительнице ключей, Марфе Михайловне, за то, что она сберегла храм, был большой почет и уважение, говорят, что многие люди ей в ноги кланялись. На открытии храма было множество народа из всех соседних сел и деревень. А в 1949 году мы с матерью уже регулярно ходили пешком в Борки на богослужение в этот храм, ведь это был единственный действующий храм в нашей округе.

После открытия храма Марфа Михайловна прожила недолго, около года. Но у нее осталась дочь, и как-то мне довелось остаться в Борках у нее на ночлег, и она любила рассказывать о своей матери, хранительнице ключей. К сожалению, имени дочери я не помню, помню только, что она постоянно прихрамывала.

Потом стало известно, что ключи от храма Марфа Михайловна закопала под крыльцом, под порогами. Хотя к ней приходили, устраивали обыски, кое-где даже копали, но, слава Богу, ключи тогда не нашли.

От Нижних Прысков до Оптиной – рукой подать. Фото Виктора Кирпичникова

Ты одна мне помощь и отрада...

Не могу вспомнить, кому принадлежат давно запавшие в душу слова: «На всяком месте своего странствия мне нужно быть в Оптиной». Очень давно встретила я их в одной из многих читанных мною о святых оптинских местах книг. И с тех пор каждый раз, когда подступает духовный голод, эти слова зовут меня в дорогу.

Зовут-то часто – получается не всегда. На краткое время (а так хочется надолго: на месяц бы, на два, но – не получается). Ну хоть так – на несколько дней. О наша вечная спешка, невозможность или неумение остановиться в вечности, забыть обо всем сиюминутном, по-евангельски не заботясь о завтрашнем дне! В недолгое время, определенное на поездку, хочется успеть так много! Но и в этот раз на милые сердцу оптинские просторы – всего три дня: только чтоб поклониться знакомым храмам и могилам, припасть на миг к мощам великих старцев, о которых столько читано долгими зимними ночами, что кажется – знала их живыми, вдохнуть целебный воздух вековых сосен, подивиться роскошному многоцветью монастырских дворов, испить воды из благодатных источников да закупить книг в иконной лавке.

Знакомый путь: ночной скорый поезд – первый вагон первого утреннего состава метро – московский Теплый стан – и вот он, автобус «Москва – Козельск». Через пять часов он выпустит меня на трассе в восьми километрах от святой обители, у придорожного храма. Потому что Оптина для меня начинается с невеликого села Нижние Прыскы. Здесь живет моя приятельница, с которой мы познакомились много лет назад, «случайно», когда о моей

семье написала одна из московских газет и Любовь Дмитриевна Золкина – так зовут эту удивительную женщину – откликнулась на публикацию письмом.

...По дороге из Москвы до Оптиной – низкие тучи. Сразу же при въезде в Козельский район появляется масса гигантских травяных растений, очень похожих на зонтики укропа. Высота такого «укропа» около двух метров, а порой и больше, стебель толщиной с человеческую руку, а зонтик – размером с деревянный грибок на детской площадке. Местные жители объяснили, что это – борщевик, растение, очень неприятное для человека: оно стебля и листьев вызывает сильные ожоги, даже случайное прикосновение оставляет на теле след, подобный крапивному. Как ни странно, в Америке борщевик идет на корм коровам, и вот кто-то из местных руководителей привез из-за океана семена. Но козельским буренкам американский деликатес не понравился, а семена развеяло по всей округе и теперь экзотический «укроп» приносит немало неприятностей обывателям.

Уступая моей просьбе, водитель автобуса не свернул, как обычно, после указателя на Шамордино на новую, широкую и удобную, дорогу, а поехал до Козельска по старой, разбитой и почти забытой, мимо

последних приоптинских сел. Нижние Прыскы встречают мелким пока дождем. Ничего! Небольшой рывок в гору – и скоро я буду обсыхать в знакомом домике, где в нынешний прохладный июнь еще гудит огонь в печи, наполняя его комнаты натуральным, не батарейным, теплом.

А дорожка в гору совсем заросла, едва приметная тропочка вьется среди буйной травы, скрывающей меня почти с головой. В прежние годы в этой траве встречала меня одинокая корова. Сегодня ее уже нет. Зато у новых переселенцев из Москвы – целое стадо коз, которым заросли борщевика явно по вкусу. Ташу чемодан с гостинцами и улыбаюсь знакомым удивлением: Прыски-то Нижние – а на такой крутой горе! Хотя давно уже знаю: на горе – только маленький островок: школа, православный приют и несколько жилых домов. Остальная деревня – действительно внизу, по ту сторону дороги, за храмом, спускается к самой реке. Жиздра... Когда-то – судоходная, а нынче – совсем обмелевшая. Даже за те лет двадцать, что езжу сюда, она не только заметно сблизила берега, но и изменила русло. Произошло это внезапно и совершенно необъяснимо. Не было никаких природных катаклизмов. Просто после очередной зимы, сбросив ледяной покров, взяла да и потекла по совершенно иным изгибам.

Во времена дореволюционного расцвета Оптиной пустыни в Нижних Прысках, как и в других селах близ Козельска, останавливались на ночлег многочисленные странники-паломники. Большое прежде

село (в нем проживало более тысячи человек, а в приходе храма Преображения Господня – он сохранился и ныне действует – было две церковноприходских и три земских школы!) сегодня поражает малолюдством и заброшенностью. Разрозненные домики на склоне холма никак не складываются в улицы. Жителей почти не видно. Школа в селе ныне одна – неполная средняя. Единственная новостройка – кирпичное здание Христо-Рождественского приюта для детей-сирот.

История свидетельствует: когда-то на этом месте было другое здание – огромная трехэтажная усадьба, принадлежащая в XVIII веке помещикам Ртищевым, а в XIX – Кашкиным. Последний владелец усадьбы, помещик Николай Сергеевич Кашкин, жил в Калуге за неимением средств на то, чтобы отремонтировать и привести в порядок огромный дом и усадьбу с прекрасным садом. Помог счастливый случай. Через калужского губернатора к нему обратился великий князь К.К. Романов – двоюродный брат императора Александра III и дядя царя-мученика Николая II, известный и сегодня поэт, публиковавшийся под псевдонимом К. Р. Он просил сдать ему на лето усадьбу, чтобы пожить возле знаменитой Оптиной. У великого князя было девять детей, которых он стремился воспитать православными патриотами. Весной 1901 года он привез всю семью в отремонтированную на его средства усадьбу Кашкина в Нижних Прысках. Здесь великокняжеские дети жили деревенской жизнью: подружались с крестьянскими ребятишками, босиком, в простонародных одеждах ходили в лес по грибы, на речку Жиздру, помогали на уборке сена, а главное – ездили на службы в Оптину пустынь и Шамординский монастырь, посещали старцев и стариц. По желанию великого князя его семье не устраивали в монастырях торжественных встреч, члены царской семьи молились, исповедовались и причащались вместе с прочими паломниками и прихожанами. Супруга К.К. Романова великая княгиня Елизавета Маврикиевна, стремясь облегчить труд женщин, устроила на свои средства в Прысках и окрестных деревнях несколько детских яслей.

Усилия великого князя К.К. Романова по воспитанию детей увенчались добрыми плодами: все его сыновья стали боевыми офицерами в Первую мировую войну, сын Олег был убит на фронте; сын Иоанн, женатый на сербской принцессе, принял духовный сан и служил диаконом; в 1918 году он вместе с братьями великими князьями Игорем и Константином и преподобномученицей великой княгиней

Елисаветой и инокиней Варварой принял мученическую смерть: раненных расстрельными пулями, но еще живых, их сбросили в шахту заброшенного рудника, и еще три дня слышали окрестные жители доносившиеся из-под земли молитвенные песнопения. Единственная дочь К.К. Романова Мария – вдова убитого в бою князя Багратиона – приняв монашеский постриг, стала настоятельницей ГEFсиманского женского монастыря на Елеонской горе в Иерусалиме, построенного на средства преподобномученицы великой княгини Елисаветы. Матушке Марии выпала скорбная честь принять под кров вверенной ей обители вывезенные из России святые мощи княгини-мученицы и ее келейницы инокини Варвары. Тела братьев – мучеников Иоанна, Игоря и Константина – смогли довести лишь до Китая и похоронили на кладбище русской православной миссии в Пекине. Впоследствии на территории миссии расположилось советское посольство и кладбище было уничтожено. Не осталось следов и от гостеприимной усадьбы Кашкиных в Нижних Прысках: искореняя память о «проклятом царизме», ее взорвали в 30-х годах советского времени. Бульдозеры новой власти прошли и по оптинским святыням.

Сегодня внешнее великолепие Оптиной и Шамордино восстановлено практически полностью. Хотя гораздо важнее (и труднее) восстановить внутреннюю духовность, которая создается годами, неустанным внутренним деланием, включающим в себя и постоянное посещение церковных служб, и ежедневный молитвенный труд, и частую исповедь и причащение Святых Таин Христовых, и чтение святоотеческих книг, и постижение трудной науки смирения и терпения, которая вырастает в любовь. Не та, размытая, ко всему человечеству, а деятельная любовь к тому, кто в конкретный момент нуждается в конкретной помощи.

Эту любовь я вижу каждый раз на лице встречающей меня с автобуса москвички, живущей здесь со дня возвращения Оптиной и вместе с мужем много потрудившейся на благо восстанавливающейся обители. В Оптиной ее знают все. Любовь Дмитриевна Золкина за близких своих готова идти в огонь и в воду, стучась в двери высоких кабинетов. Хотя годы делают свое дело, постепенно отбирая силы и здоровье, и сегодня она и сама уже нуждается в помощи, при этом упорно от нее отказываясь. По профессии Любовь Дмитриевна – воспитатель дошколят, поэтому в Нижних Прысках ей доверили должность преподавателя воскресной школы. За строгость и непримиримость к неправ-

де ее многие недолюбливают. Но дети – индикатор искренности. Когда мы были с ней на территории монастыря в Шамордино, в стороне мимо нас проходила группа детей. Внезапно с возгласом радости дети облепили мою спутницу. Оказалось, это школьники из нижепрысковского православного приюта так обрадовались встрече с любимой преподавательницей.

Она скупа на рассказы о себе и не говорит о причинах, которые подвигли их с мужем, таких молодых и красивых, оставить благоустроенную московскую квартиру и купить домик-развалюшку в Нижних Прысках. Вероятно, инициатором был муж, ее дорогой Левушка (она и сегодня называет его только так), обладавший редчайшей в советское время профессией церковного портного. Когда после празднования 1000-летия Крещения Руси государство начало возвращать Церкви разоренные безбожной эпохой храмы, остро встал вопрос об их скорейшем восстановлении. Но если рабочих, технику, старые проекты и фотографии храмов и даже иконы и церковную утварь, частично сохранившиеся в музеях и в домах верующих, можно было найти, то облачения для священнослужителей и монахов, для внутреннего убранства храмов были самым большим дефицитом конца 80-х – начала 90-х годов. Золотые руки Левушки Золкина стали нарасхват. Но не принесли молодой семье никакого дохода. Потому что шил он почти всегда во славу Божию. То есть практически бесплатно, довольствуясь добротными пожертвованиями. Да и что было взять с первого возвращенного Церкви монастыря – Оптиной пустыни! Ведь восстанавливалась она – а вернее, отстраивалась заново – практически на голом месте. Сюда и приехали Левушка с Любушкой. Не для себя жили – для Оптиной. А себе только и смогли – отремонтировать домик, чтоб крыша не текла да в щели не дуло. Потому что родились у них, один за другим, двое малышей. Больше – просто не успели.

Когда сыновьям было три и полтора года, Господь забрал Левушку к Себе. Уже на следующий день после похорон стали приходить местные мужчины – свататься. Но Любовь чуть ли не веником выгнала всех из дома – раз и навсегда. И осталась вдовой, с малышами-сыновьями, с печным отоплением, с туалетом-ямой, пристроенным к дому, с газовым баллоном в веранде, с водой где-то далеко – возила огромным бидоном на тачке и только недавно поставила кран во дворе. Это первое и единственное новшество бросилось мне в глаза, едва я вошла в калитку. «И в доме теперь вода есть?» – радостно спросила я.

Любовь Дмитриевна Золкина возле своего дома

«Нет, зачем? Надо же потрудиться – хоть отсюда поносить», – безо всякой рисовки ответила она.

Да, всё то же, всё любимое и ставшее мне родным. Дом, где нет ни компьютера, ни телевизора, ни даже радио; где все стены – иконы, книги и фотографии. С самой большой смотрит чем-то похожий на святого Государя Лев Золкин. Рядом – оптинская наземная колокольня, та, где на Пасху 1993-го были ритуально убиты монахи-звонари. На фотографии они все трое – живые, звонящие к очередной службе. Кто есть кто – не разобрать, стоят спиной к объективу фотоаппарата. А вот малыши Леша и Паша – сыновья Золкиных – улыбаются прямо в камеру. Маленькие друзья будущих новомучеников. Сегодня они уже взрослые, обзавелись семьями и живут в столице. А тогда, после смерти отца, они едва не лишились и матери. У Любушки обнаружили онкологическое заболевание, готовили к операции. А она, почти в отчаянии, но и с надеждой и верой кинулась в село Клыково к схимонахине Сепфоре. Сегодня имя этой дивной подвижницы и молитвенницы за оптинские земли знает весь православный мир. А тогда многие ее считали простой верующей старушкой, приехавшей доживать поближе к святым местам.

Когда молодая вдова рассказала ей о своем горе, матушка Сепфора сказала: «Назови свой самый главный грех». И, услышав ответ, строго проговорила: «Нельзя!». А затем велела отложить поездку на операцию на два месяца. Через два месяца врачи опухоли не обнаружили – решились, что ошиблись с диагнозом.

Каждый раз, когда я приезжаю к Любови Дмитриевне, мы едем с ней в Спаса Нерукотворную мужскую пустынь – монастырь, основанный по молитвам матушки Сепфоры. Здесь, возле домика, где жила подвижница, ее и похоронили. А в домике устроили музей. В этот раз нас встречает молодой человек – очевидно, он работает тут недавно. «Вы у нас в первый раз? – спрашивает он. – Хотите, я расскажу вам о матушке и все покажу?». – «Нет, не в первый», – отвечает Любовь Дмитриевна и идет мимо музейных экспонатов в ту самую келью, где не раз встречала ее матушка, а случилось – и была небольшою своей знаменитой палкой, привезенной из Иерусалима. «Сфотографируй меня с матушкой», – просит она. И я фотографирую. А рядом, на столике, лежит и обильно мироточит небольшая фотография схимонахини Сепфоры. О чем хочет сказать нам подвижница через это мироточение? что предвостыит? Пока это остается тайной.

Как мало, как мало времени! Но мой храм отпустил меня только на промежуток между двумя воскресеньями. У каждого из нас – свое служение Господу, и подаренные Им таланты мы не имеем права зарывать в землю. Вот и я – «пою Богу моему, дондеже есмь», на каждой вос-

кресной и праздничной службе. Поэтому – один день на Оптину, один – на Шамордино и один – на Клыково. Но от этих трех дней, знаю, хватит мне духовной радости и сил на долгое время. А вечерами мы с моей подругой гуляем по вольным травам Нижних Прысков, пасем козочек (Любовь Дмитриевна помогает поселившейся рядом семье москвичей), проводываем Левушку на огромном и странно запущенном кладбище и просто пьем чай на ее небольшом участке возле дома. Склоняется к закату солнце, а вокруг – море цветов, красивых, ухоженных, разных. Каждый цветок моя гостеприимная хозяйка обходит с лейкой, с каждым говорит и назовет по имени. А вдалеке, на горизонте, на фоне синих небес, четко вырисовываются купола оптинских храмов. Я ничего не написала о них? А нужно ли? Сегодня вряд ли сыщется православный человек, который не был или по крайней мере не читал об этом сердце русского старчества. У каждого паломника есть что рассказать, что вспомнить. Есть и у меня. Есть множество памятных воспоминаний. Есть и мое личное чудо, свершившееся в нынешнюю поездку. Я не могу рассказать о нем, боюсь, что обнаруженное чудо перестанет быть чудом.

Но если меня снова замучает духовная жажда – я снова поеду в Оптину. Хотя бы на три дня.

Уже поставив последнюю, как думалось, точку, я вспомнила вдруг, кому принадлежат слова, зовущие меня в дорогу. Их написал после первого посещения Оптиной пустыни Николай Васильевич Гоголь.

В сентябре начало постепенно холодать. Вокруг было все так же красиво, но уже появился в природе какой-то оттенок грусти... Желтели и все больше и больше опадали листья... Ярко краснели на рябинах обильные кисти ягод. На поле щетиной стояла стерня, оставшаяся после уборки хлеба. Чаше стали идти дожди... Лето кончилось. Наступила пора сборов в дорогу в Петербург, домой. <...>

В небе печально курлыкали улетающие на юг журавли. К. Р. набросил на плечи шинель и вышел на балкон. Все, что увидел он и о чем подумал в это время, он описал в тот же день в стихотворении, которое мы здесь и приводим, заканчивая им весь наш рассказ о милых и навсегда сохранившихся в памяти детей К. Р. и его самого Прысках.

Последней стаи журавлей
Под небом крики прозвучали.
Сад облетел. Из-за ветвей
Сквозят безжизненные дали.
Давно скосили за рекой
Широкий луг, и сжаты нивы.
Роняя листья, над водой
Грустят задумчивые ивы.
В красе нетронутой своей
Лишь озимь зеленеет пышно,
Дразня подобьем вешних дней...
Зима, зима ползет неслышно!

Как знать. Невидимым крылом
Уж веет смерть и надо мною...
О, если б с радостным челом
Отдаться в руки ей без бою.
И с тихой, кроткою мольбой,
Безропотно, с улыбкой ясной
Угаснуть осенью безгласной
Пред неизбежною зимой!

Козельский уезд.
1 октября 1901

{Из книги монаха Лазаря
Афанасьева) «Оптинские были»

Церковь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» близ Девичьего поля (в Зубове, или Новоконюшенной слободе). Фото из альбома Найденова, 1882 год

Несгораемая память о Неопалимовском храме

В течение многих веков своего становления и расширения Москва преданно хранила верность традиционному русскому строительному материалу – дереву. Во многом по этой причине наш город семь раз выгорал практически дотла: 14 июля 1445 года, 28 июля 1493 года, 21 июня 1547 года, 24 мая 1571 года, 3 мая 1626 года, 29 мая 1737 года и 8 сентября 1812 года. С незапамятных времен в качестве защитницы от пожаров и гроз почиталась икона Божией Матери «Неопалимая Купина». Учитывая градостроительную специфику Первопрестольной, неразрывно связанную с легко воспламеняемым деревом, храмы в честь этого чудотворного образа должны были стоять на каждом перекрестке Златоглавой. Удивительно, но церковь, посвященная Неопалимой Купине, была в Москве в единственном экземпляре. Да и ту снесли в 1929 году. Впрочем, светлая память о ней жива и поныне – и в названиях улиц российской столицы, и в произведениях классиков нашей литературы...

Царь Федор Алексеевич Романов прожил всего лишь двадцать полных лет, не дотянув одного месяца до двадцати одного года. Большую часть своей короткой, но весьма плодотворной жизни государь имел серьезные проблемы

со здоровьем. По свидетельству боярина Артамона Сергеевича Матвеева, царевич Федор в детстве пострадал от несчастного случая. Мальчик вознамерился «прогуливаться с своими тетками и сестрами в санях. Им подведена

была ретивая лошадь: Федор сел на нее, хотя быть возницею у своих теток и сестер. На сани насело их так много, что лошадь не могла тронуться с места, но скакала в дыбы, сшибла с себя седока и сбила его под сани. Тут сани всею своею тяжестью проехали по спине лежавшего на земле Феодора и измяли у него грудь, от чего он и теперь чувствует беспрерывную боль в груди и спине». Скорее всего, результатом этого досадного эпизода стала тяжелая травма позвоночника, мучившая государя всю его дальнейшую жизнь.

Болезнь позвоночника царя часто давала осложнения на ноги. Периодически Федору Алексеевичу становилось тяжело ходить: ноги с трудом повиновались ему. Приходилось опираться на костыль. Во многом из-за

своего недуга царь стал проявлять повышенный интерес к лошадям. У него были превосходные конюшни и великолепная коллекция ездовых коней. Казалось бы, странно, однако Федор Алексеевич ловко держался в седле и слыл искусным наездником. На своих двоих он перемещался тяжело и неуклюже, а оказавшись в седле выглядел по-спортивному грациозно, легко и молодцевато.

Царский Конюшенный двор располагался на территории между Арбатом и Пречистенкой. Ныне о его существовании напоминает название Старо-конюшенного переулка. В конце 70-х годов XVII века двор царских конюхов сильно пострадал в результате большого пожара. Было решено переселить служивых в новое место, поближе к Зубовскому бульвару. Там построили Ново-конюшенную слободу. В 1680 году в ней появился деревянный храм в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина», куда перенесли список чудотворного образа «Неопалимой Купины». До этого он хранился в царских Святых Сениях при Грановитой палате. Сама же чудотворная икона попала на Русь в 1390 году – ее привезли в Москву палестинские монахи с Синая. Образ поместили в Благовещенском соборе.

Название иконы «Неопалимая Купина» связано с ветхозаветным рассказом о чудесном видении пророка Моисея. В Библии говорится, как однажды Моисей пас овец далеко в пустыне и в поисках удобного пастбища забрел со своей отарой в незнакомое место, где ему открылась высокая и живописная гора, поросшая терновым кустарником. Моисей вдруг увидел, что один из кустов горит ярким пламенем. Казалось, жаркий огонь раскаляет его ветки и листья, но чем больше смотрел Моисей на столь необыкновенное явление, тем больше изумлялся, ибо куст этот, пылая огнем, сверкая и переливаясь языками разноцветного пламени, однако, не сгорал. То была неопалимая купина.

Икона Божией Матери «Неопалимая купина»

Как зачарованный, двинулся Моисей навстречу огню, чтобы рассмотреть его получше, но вдруг из самой сердцевины огня раздался голос Бога.

«И сказал Господь [Моисею]: Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей [и ввести его] в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед, в землю Хананеев...И вот уже вопль сынов Израилевых дошел до меня, и Я вижу угнетение, каким угнетают их Египтяне.

Итак пойди: Я пошлю тебя к фараону [царю Египетскому]; и выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых» (Исх. 3:7–10).

Пророк Моисей, в силу своей великой скромности, закрыв глаза рукой от слепящего куста, сверкавшего нестерпимым блеском и разгоравшегося все ярче, поначалу отказывался, полагая, что у него не хватит сил и умения выполнить столь ответственную миссию: «...Кто я, чтобы мне идти к фараону [царю Египетскому] и вывести из Египта сынов Израилевых?» (Исх. 3:11). Но Бог обещал ему помощь: «...Я буду с тобою...» (Исх. 3:12).

На иконе «Неопалимая Купина» Пресвятая Богородица изображена окруженной пламенем, с Младенцем Христом, в центре православной восьмиконечной звезды, образованной совмещением красного и зеленого квадратных ромбов. Четыре зеленых конца-луча символизируют купину – терновый куст, сохранивший в огне свой зеленый цвет. Четыре красных конца-луча – пламя горящей и неопалимой купины.

Богоматерь, как Царица Небесная, изображена в центре иконы. В руках у Нее лестница как символ и путь христианского спасения и как символ Пресвятой Богородицы – Лестницы, по которой Бог сошел на землю, а человек восходит к Нему. В означении этого в четырех

углах иконы символически изображены ветхозаветные пророчества о воплощении Христа:

1. Видение Моисеем горящей купины, где в ее центре написана икона Божией Матери «Знамение» с Младенцем в лоне.

2. Видение затворенных врат пророку Иезекиилю.

3. Знаменитое видение пророку Исаии серафима с горящим углем, символом Христа.

4. «Корень Древа Иессеева». Это изображение символизирует пророчество Исаии: «Вместо терновника вырастет кипарис... в знамение вечное, несокрушимое» (Ис. 55:13).

По углам красного четырехугольника изображены апокалиптические символы святых апостолов-евангелистов – ангел (Матфей), орел (Иоанн), телец (Лука) и лев (Марк).

Вместе с христианскими апостолами все Небесные Силы, подвластные Царице Небесной, окружают Ее на иконе. По средневековым преданиям, ангелы управляют небесными светилами и стихиями – громом, молнией, ветром, дождем, морозом. И каждый ангел, изображенный на иконе, держит в руках символ своей стихии: облако, меч, чашу, факел, закрытый кивот (мороз), фигуру

(ветер). Это означает и церковное представление о ниспосылаемых Богоматерью на безбожников стихийных бедствиях, которые могут быть отклонены по молитве к Ней, чем явлены Ее милосердие и помощь.

Именно эту икону Богоматери с древности почитали крепкой и надежной защитницей от пожаров и гроз. На Синае был составлен особый чин службы чудотворному образу, творимый во время сильного стихийного бедствия, когда «молния бывает страшна». Интересно, что, по историческим свидетельствам, в приходе Неопалимовской церкви в Новоконюшенной слободе, застроенном преимущественно деревянными домами, почти не бывало пожаров. Когда в Москве случалось огненное бедствие, храмовый образ «Неопалимой Купины» обносили с крестным ходом вокруг домов прихожан, и они оставались невредимыми.

В 1707 году Неопалимовская церковь была заново отстроена в камне на добровольные пожертвования москвичей – с Божией помощью успели до петровского запрета от 1714 года на возведение каменных сооружений в Москве (царь-реформатор всеми силами лоббировал приоритетное развитие своего главного детища – Санкт-Петербурга). С той далекой поры церковь не перестраивалась. Со временем к ней лишь добавились приделы во имя апостола и евангелиста Марка и святителя Димитрия Ростовского. До 1771 года к ней совершали крестный ход из Успенского собора в память о том, что чтимый образ храма изначально находился в Кремле, в царских покоях. Известно, что кроме «Неопалимой Купины» в этом московском храме помещался и особо чтимый образ Богоматери «Нечаянная Радость».

В 1892 году при храме в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» в Новоконюшенной слободе открылся Елизаветинский комитет – одно из благотворительных учреждений великой княгини Елизаветы Федоровны, где бедным родителям помогали деньгами на воспитание детей.

Мысленно почтиться в Неопалимовском храме могут помочь воспоми-

Священномученик Сергей Успенский

нания Анатолия Борисовича Свенцицкого (племянник известного духовника и проповедника протоиерея Валентина Свенцицкого), неоднократно бывавшего в этой церкви в детстве: «Внутреннее убранство храма было роскошным. Центральный храм имел великолепный иконостас, сохранившийся с конца XVII века, с древними иконами, иконописью напоминавшими Симона Ушакова. Солея была высокой, в четыре ступени. На ней находилась латунная решетчатая ограда... Царские врата были невысоки, но прекрасной древней резьбы. Наверху в проемах между окнами по московской традиции были живописные изображения четырех митрополитов – святителей Петра, Алексия, Филиппа и Ионы.

Особо чтимой была древняя икона «Неопалимая Купина» XV века, перенесенная из предыдущего деревянного здания храма. Находилась она в правой стороне главного иконостаса, который венчало распятие. Древними были и иконы двенадцатых праздников в иконостасе.

В главном храме было еще несколько икон письма XIX века, притом, очевидно, известных иконописцев, так как одна из них, очень редкая, святого Павла Фивейского, стоявшая у левой стены, сразу после закрытия храма была взята

в Третьяковскую галерею и не отдана причту...».

С 1910 по 1927 годы настоятелем Неопалимовского храма был кандидат богословия, выпускник Московской духовной академии протоиерей Борис Забавин. С 1928 по 1929 годы он отбывал заключение в Соловецком лагере, затем выслан в Калинин (Тверь), где и скончался.

Большой популярностью у прихожан Неопалимовского храма пользовался священник отец Сергей Успенский. Его участие в службах создавало особенно сильное молитвенное настроение. Этому замечательному человеку было суждено стать новомучеником и исповедником Российским. Думаю, стоит рассказать о нем чуть подробнее.

Сергей Михайлович Успенский родился в городе Можайске Московской губернии в 1878 году.

Образование он получил в московском Донском и московском Заиконоспасском духовных училищах, а в 1898 году окончил Московскую духовную семинарию.

Сергей Михайлович от природы был наделен очень хорошим, выразительным голосом и весьма неплохими артистическими способностями. В 1900 году его без конкурса зачислили в солисты Большого театра. Однако театральные подмостки не привлекали молодого человека – жизнь артиста была ему не по душе. Довольно рано сердце юноши тонко уловило его духовное призвание. С 1901 года Сергей Михайлович начал служить псаломщиком в храме Климента Папы Римского на Пятницкой улице в Москве. В том же 1901 году он женился на Анне Петровне Розановой, и у них впоследствии родилось трое детей.

В 1904 году митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский) рукоположил Сергия во диаконы к московскому храму Покрова на Лыщиковой Горе. В 1910 году его переводят в храм во имя иконы Божией Матери «Неопалимая Купина», в 1917 году отца Сергия возводят в сан протодиакона, а 30 августа 1920 года он становится священником.

После ареста протоиерея Бориса Забавина отец Сергей Успенский служит

настоятелем Неопалимовского храма вплоть до его закрытия. Храм был полностью уничтожен в 1929 году, кирпич храма пошел на мощение московских улиц.

В 1932–1933 годах отец Сергей служит в храме святителя Николая на Щепках в районе Смоленской площади. По отзывам прихожан, священник Сергей Успенский был «аскетом духа в миру», добрым и отзывчивым человеком, много помогал семьям репрессированных, число которых с начала 20-х годов постоянно увеличивалось. Например, известно, что многие годы он содержал семью арестованного и заключенного на Соловках настоятеля храма «Неопалимой Купины» протоиерея Забавина.

29 января 1933 года перед поздней литургией кто-то попросил отца Сергия причастить больного, а по выходе из храма какие-то люди в штатском предложили ему сесть в машину и увезли на Лубянку вместе со Святыми Дарами и наперсным крестом. Батюшку обвинили в том, что он состоит в контрреволюционной организации христианской молодежи, участвует в нелегальных собраниях и активно занимается антисоветской агитацией.

10 апреля 1933 года особое совещание при Коллегии ОГПУ СССР приговорило протоиерея Успенского к трем годам ссылки в Северный край. Сначала он отбывал срок в Каргополе, затем был переведен в Вологду. Через год

его освободили по болезни, дав «минус 6», что означало запрет на проживание в шести центральных областях. 30 ноября 1937 года Сергей Михайлович Успенский был арестован вновь. По обвинению во «враждебном отношении к советской власти и контрреволюционной деятельности» тройка при УНКВД СССР по Московской области приговорила отца Сергия к высшей мере наказания. 19 декабря 1937 года протоиерей был расстрелян на Бутовском полигоне. Священномученик Сергей прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13–16 августа 2000 года.

Я верю в то, что во многом по молитвам священномученика Сергия Успенского, которые он сейчас возносит у Престола Всевышнего, память о московском храме иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» жива и поныне. Писатель Андрей Белый, живший на Плющихе неподалеку от Неопалимовской церкви, посвятил ей трогательные поэтические строки:

Бывало: церковка седая
Неопалимой Купины,
В метели белой приседа,
Мигает мне из тишины.

Перед задумчивым киотом –
Неугасимый фонарек;

И упадет легким лётom
Под светом розовый снежок.

Неопалимов переулком
Пургой перловою кипит;
И Богоматерь в переулком
Слезой задумчивой глядит.

Свое название церковь передала переулку, в котором она стояла, – это 1-й Неопалимовский (до революции в его названии отсутствовала цифра и он был просто Неопалимовским переулком). Память о Новоколюшенинской слободе запечатлелась в имени переулка Новоколюшенинского. За годы советской власти и постперестроечного периода эти типично московские улочки изменились практически до неузнаваемости – о былом уюте и благолепии этих некогда красивых мест напоминают лишь единичные особнячки, чудом уцелевшие среди безликих сооружений современной застройки. Но не будем грустить и унывать. Писатель Михаил Булгаков сказал, что рукописи не горят. С уверенностью могу сказать, что не подвержены выгоранию и страницы истории Москвы, достойное место на которых занимает биография Неопалимовского храма. Пусть же икона Божией Матери «Неопалимая Купина» поможет нам сохранять добрую память о нем и впредь...

**К сему: Архивариус
(Вадим Рутковский)**

В наше время лишь чудом сохранившийся скромный особняк Д. Ф. Дельсала напоминает о былой красоте Неопалимовского переулка (левый снимок). Завершив работу над заметкой о Неопалимовском храме, я отправился на смотровую площадку рядом с МГУ на Воробьевых горах и сфотографировал с нее сектор Москвы, в котором располагается 1-й Неопалимовский переулок и Новоколюшенинская слобода. Сегодня это пространство заполнено довольно однотипными и безликими (можно не стесняясь сказать – примитивными по своей архитектуре) каменными громадами современной постройки. А в начале XX века мы увидели бы множество сияющих маковок православных церквей, среди которых были бы и купола церкви иконы Божией Матери «Неопалимая Купина»

Учитель и ученик: яблоко от яблони

Вот такое письмо пришло недавно из сибирского города Анжеро-Судженск. Прочитав, я подумал, что оно само по себе исполнено немало смысла и потому нуждается в заголовке, как самостоятельная заметка.

Здравствуйте, Павел Павлович! Рада, что через столько лет нашелся повод вновь обратиться к вам и к «Лампаде». Когда-то, в 2013 году, я прислала вам статью о нашем анжерском регенте Ксении Рябцевой, и вы напечатали ее под красивым и образным названием «Странница в селениях дивных». Спасибо вас Господь!

В этот раз я обращаюсь с просьбой прочесть и, если сочтете возможным, напечатать рассказ или эссе моей бывшей ученицы. Я тогда работала в гимназии, со многими старшеклассниками очень подружились. И даже сейчас, хоть и давно тружусь в музыкальной школе, мы остаемся добрыми знакомыми, общаемся, вижу кто и чем из них живет. Майя, о которой я пишу, – душевный, мыслящий, творческий человек, выбрала для себя не очень-то престижную и совсем не высокооплачиваемую профессию учителя. Я рада, что такие люди по зову сердца, из чувства долга и любви к детям все же приходят в школы, а не ищут местечек потеплее, поспокойнее и посытнее.

Помню ее юношеские порывы, даже романтические заблуждения. Рада, что она так вот стала проявлять свои способности. Я знала ее как чуткого музыканта, она окончила школу по классу флейты, пела в моем вокально-инструментальном гимназическом ан-

самбле. Мне дорого, что ребята, теперь уже сами молодые папы и мамы, стали задумываться над тем, что принято называть вечными темами, или, как некоторые иронически говорят, «семейными и духовными ценностями».

Прочитав ее рассказ «Колесо», я даже подумала, что он мог бы стать сценарием какой-нибудь короткометражки: ведь кино имеет колоссальное воздействие на людей, а ее рассказ такой душеполезный... Но зрителю, к сожалению, сейчас средства массовой информации и телевизионный эфир предлагают то, что скорее хочется назвать полным безобразием. Совсем не стало настоящего детского кино, почти исчезла детская мультипликация. В том числе и потому, что куда-то исчезли добрые, умные, нравственные сценарии и сценаристы. Впрочем, простите меня за такое лирическое отступление! Посмотрите, пожалуйста, ее работы и, если найдете, что что-то годится по содержанию и форме выражения для вашего журнала, мы будем рады и благодарны!

Прилагаю ее краткое резюме о себе: «Ларионова Майя Игоревна, филолог, учитель русского языка и литературы, работала в школе № 3 в Томске, там же в финансово-юридическом техникуме; занималась репетиторством. Родилась и выросла в Анжеро-Судженске Кемеровской области. Горжусь своими родными: мама – специалист органов ЗАГС, отец – квалифицированный юрист с многолетним стажем. Семья мужа многодетная, у него двое братьев. Свекровь активно изучает историю своего рода и пишет книги об этом для будущих поколений. Жив и, слава Богу, здоров еще дедушка мужа, прошедший всю Великую Отечественную войну до Берлина. Ему 94 года, он прекрасный рассказчик и интересный собеседник. Не так давно я сама стала мамой. Нашей доченьке год и два месяца. Надеюсь, мне удастся передать ей свой опыт и знания и, конечно, всю мою бесконечную к ней любовь».

С уважением Анна Литвиненко

От редакции. И письмо, и заметка оставляют очень теплое чувство. Не хочется расставаться с авторами. И мы решили попросить Анну Литвиненко рассказать о себе, о своей жизни. Было ощущение, что это полезно всем нам. И, как нам кажется, не ошиблись. Анна откликнулась на просьбу редакции. Мы намерены напечатать ее письмо-рассказ в следующем номере.

Вечные ценности

В самые серые, беспросветные дни вспоминается, как шуршал пакетик с сушками на заднем сидении дедовой красной пучеглазой «копейки»; как бабуля, держась за багажник моего нового велосипеда, запыхавшись бежала по деревенской улочке, покрикивая: «Я держу, держу, крути!». Как на цыпочках, заговорщически приходил ко мне, обиженной на весь мир, папа, садился рядом возле радиатора, прислоняясь плечом к плечу, доставал из кармана мою любимую «Метелицу» и молча смотрел, как я, всё еще всхлипывая, ее жую. Как мама гладила мою пылающую голову и заговаривала больной животик: «...у кошки боли, у собачки боли...».

Обычно, говоря о семейных традициях, мы имеем в виду события, из года в год повторяющиеся в бытовом укладе семьи. Мы почему-то забываем о том, что традиции могут сохраняться в мелочах, но содержать при этом семейные ценности и не быть тяжелым балластом, тянущим семью в пучину ссор и обид.

Когда меня, маленькую Маюшку, спрашивали, что такое семья? — ответ был прост и очевиден. «Мама, папа, я — дружная семья... Ну, еще бабуля и дедуля!» — всегда добавляла я, вспомнив про них. С возрастом мы забываем простые вещи и начинаем искать подводные камни, мыслить заковыристо и рассуждать об очевидном как о чем-то

абстрактном и сложном. «Мама, папа, я...» — вот они, семейные ценности. Нет, не ценности — сокровища! Ведь ценность — то, что имеет большую цену, а сокровища — то, что сокровенно, свято, бесценно!

Я давно уже выросла и уехала из родного шахтерского городка, и городок мой уже не шахтерский, да и любимого шахтера, дедули, уже три года как нет.... Скорбь по ушедшим — сильное чувство! Ведь вместе с ними уходит и часть твоей собственной жизни, значимая ее часть, превращаясь в воспоминания.

Лето я с дедушкой и бабушкой часто проводила в деревне. Воспоминания об этом времени освещены лучами золотого рассветного часа, когда тени не так резки, а свет мягко обволакивает любимые лица. Шалаши, походы за грибами в лесополосу, растянувшуюся до горизонта сразу за изгородью, лягушата в ведре с колодезной водой, рыбалка на озере ранним утром, прятки в овраге под тенистой ранеткой от знойного солнца и оно же, это солнце, в бликах лужи под велосипедными колесами... и все это в сопровождении бабушкиного заботливого ворчания и дедушкиного искристого смеха.

Спустя почти двадцать лет, весной, мы с мужем ехали мимо. Я попросила свернуть с трассы и доехать до дачного домика, который продали уже очень давно. Дом стоял на прежнем

месте, почерневший, засаленный, не умытый пока ни весенними дождями, ни ручьями апрельской капли. Пристройка, которую некогда сделал дед, также почернела и сурово исподлобья смотрела на меня как на чужую. А я и была чужой. Теперь тот самый Дачно-Троицк существует лишь в моих воспоминаниях. Понимаю, что прошло мое детство, в котором была улица с дорогой, отсыпанной мелким желтым щебнем, пруд, где я, пятилетняя девочка, ловила сачком головастика. Каким таинственным тогда казался разрушенный кирпичный домик с неведомо откуда взявшимся роялем посреди единственной комнаты! Но разве забыть бабушкино ворчание и дедушкин смех? Гулкая колокольня памяти хранит эхо прошлого.

Бесценны каждая секунда, каждый миг рядом с семьей. Без любви в сердце человек чувствует лишь одиночество и пустоту.... Возможно, поэтому для нас ценнее самых дорогих произведений искусства — полотен и книг, всех нот и памятников — навеки останется лишь человек. Близкий, родной, любимый. Ценен? Неповторим, исключителен, бесподобен этот момент, который мы проживаем рядом с ним. Успевайте чтить старших, выражать любовь и признательность родителям, быть поддержкой и опорой родным и близким в трудную минуту, учить детей радоваться простым вещам и поступать по совести... Как? Даря своим детям детство, старикам — внимание, родителям — заботу... Разве это не традиции — не раз в год собираться за столом с гитарой, а ежедневно быть рядом, радоваться жизни вместе с любимыми? Для нашей семьи традиции основаны именно на таких ценностях — вечных, добрых, светлых и при этом таких простых и понятных. Их-то прежде всего и стоит передавать будущим поколениям.

И сейчас, уезжая на дачу, мы берем с собой шуршащий пакетик сушек, едем по другой дороге из желтого щебня и надеемся, что дочка когда-нибудь в своих воспоминаниях увидит эти минуты в лучах золотого рассветного часа, где лица любимых будет обволакивать мягкий, теплый свет.

Командор из Малого театра

– За вашим театром, Александр Юрьевич, давно закрепились слава чуть ли не цитадели православия.

– Наверное, сказано немного громко. Цитадель нашей веры – это все же Русская Православная Церковь. Но доля правды в ваших словах все же есть.

– Откуда это пошло? Ведь есть и другие театры, и тоже с богатой историей.

– Секрет прост. Мы не изменяем традиции. Наши великие актрисы – Яблочкина, Турчанинова, Пашенная, Рыжова – да и не менее великие актеры – Остужев, Владиславский, Зубов – все они пришли в театр будучи глубоко православными людьми, не только укрепленными в вере, но и воцерковленными.

– А говорят, все артисты – безбожники.

– Слушайте больше! Среди них безбожников не больше, чем в любой другой профессии. Просто они на виду. Правда, есть у нас у всех общий грех – суеверие. Но с этим бороться бесполезно, и лучше о нем не говорить.

– Тогда давайте поговорим о том, что внутри, а что снаружи. За четверть века службы в Малом кого только вам не довелось сыграть. Даже кардинала Мазарини в «Молодости Людовика XIV». Легко ли было православному человеку «конвертироваться» в главного католика Франции?

– Моя задача заключалась в том, чтобы сыграть предельно достоверно реальное историческое лицо. Какой же я актер, если не смогу перевоплотиться в своего героя не меняя при этом

Так называют народного артиста России Александра Ермакова те, кто близко его знает. Со времен рыцарского средневековья это слово не утратило своего смысла. В нем соединилось многое: и почтительное отношение окружающих, и личное благородство, и честность, и еще много других не менее достойных качеств. Признаться, я шла на эту встречу не без волнения. Но страхи оказались напрасными. Профессионализм Александра Юрьевича и поддержка нашей редакции утвердили меня в том, что беседа должна состояться. Прочитав ее, вы сами поймете почему.

Юлия Камагина

собственной человеческой сущности? А если бы мне пришлось играть, допустим, какую-то зловещую историческую личность?.. Надо быть достоверным, соответствовать эпохе, быть исторически точным. Разумеется, при собственном видении своего героя. Не скажу, что Мазарини дался мне так уж легко. Я прочитал много литературы. Ходил в костел, был на вечерней службе, изучил их одежду, понаблюдав за поведением, поговорил с пастором, рассказал, какая у меня задача. Слышу в ответ: «Похож. Внешне похож». Позже мне подарили четырехсерийный французский фильм, называется «Mazarin». Действительно: похож! В наших фильмах Мазарини делают таким кругленьким шутком. А это был очень серьезный человек. И получилось, что французский Мазарини похож на нашего кардинала из Малого театра. Но без курьеза все же не обошлось.

– Расскажите!

– Началась Светлая седмица, я еще под впечатлением от только что отпразднованной Пасхи. А вечером «Молодость Людовика XIV», где, как вы знаете, я играю кардинала. Там, где надо, я начинаю креститься, но кладу крест с правого плеча на левое, по-православному, а не слева направо, как принято у католиков. В зале шушуканье. Думаю: «Что не так?». И понимаю: «Ох! Перекрестился неправильно!». Тут же исправляю ошибку. После спектакля наш худрук Соломин приходит ко мне в гримерку: «Сашка, ты что ж, прямо на авансцене начал неправильно креститься?!». А я ему: «Юрий Мефодьевич, ну так Пасха! Понимаете, Пасха!». – «Пасха – это у тебя в душе, а на сцене – будь любезен – ты на работе, то есть в предлагаемых обстоятельствах».

– Но грех в принципе невелик.

– С канонической точки зрения – конечно. Но есть два момента. Первый:

я был рад, что во мне укрепилась вера. Второй: школа Малого театра не прощает даже мелких неточностей.

– О вашем театре ходит молва, что его сцена чуть ли не продолжение церковного амвона. У вас действительно все православные?

– Насколько я понимаю, в театре есть люди духовно обращенные к разным конфессиям. Нужно уважать всех. У нас как-то не принято явно говорить на эту тему. Иногда вскользь заходит речь то о постах, то о молитве. Из этого можно сделать вывод, что не только верующие, но и воцерковленные православные люди в нашем театре есть.

– Малый театр исповедует традиции классической русской литературы. Это тоже связано с тем, что у вас много православных?

– В XVIII–XIX веках на Руси православие было не гостем, а хозяином в доме. Классика – это то лучшее, что отбирает время. Через классические произведения мы можем увидеть всю палитру чувств и мыслей человека. И потому мы разговариваем с нашим зрителем именно на русском языке, а не на каком-то его сегодняшнем подобии.

– Можно сказать, что вы стараетесь не касаться современности?

– Я бы воздержался от такого утверждения. В нашем репертуаре есть блестящие современные пьесы.

– Современные постановки в других театрах Москвы бывают весьма шокирующими. Нормой становятся обнаженные тела и сквернословие на сцене.

– В Малом полуголые актеры по сцене не бегают, матом не ругаются. Все зависит от того, кто как видит и что хочет показать.

– Актер на то он и актер, чтобы сыграть любую роль, хоть палача,

В роли владыки Сергия

хоть жертву. Это понятно. И все же: когда вы играете, допустим, замоскворецкого купца или православного священника, струны вашей души звучат одинаково?

– Дайте подумать... Представить... Нет, конечно, не одинаково. Лет пятнадцать назад у нас шел спектакль о событиях времен Екатерины II и Петра III «Хроника дворцового переворота». Я играл в нем митрополита Димитрия, человека, занимавшего заметное место в иерархии власти. К тому времени, могу сказать, я уже был достаточно воцерковленным. В нашем храме меня даже привлекали к простым видам служения, как, скажем, доверяли заниматься свечами на праздники, и даже надевали облачение. То есть я был в церкви вроде бы и не просто прихожанином. И эта роль... Дело же не в том, насколько я буду внешне соответствовать образу церковного иерарха, хотя и это важно. Есть художники, костюмеры, консультанты, они ляп не допустят, да и сам всегда очень тщательно отношусь к тому, как выгляжу на сцене. А каков он внутри, владыка Димитрий? Какая у него душа? Это уже не костюмная проблема. Есть, например, в спектакле сцена венчания. Ведь это же не просто театральное действие – это церковное таинство. То есть надо не просто внешне соблюсти протокольную сторону, но

проникнуться духом, внутренним содержанием таинства Венчания.

– **Сами-то вы венчаны?**

– А как же! Потому я в предлагаемых обстоятельствах на сцене и чувствовал себя особенно органично. Сказать честно, я сильно внутренне волновался. Оттого еще, что пригласил на спектакль своего духовника, отца Василия, Царство ему Небесное. Надо отдать должное его деликатности: он пришел одетым по-мирскому. Вероятно, чтобы не отвлекать внимание зрителей от меня. Я в гримерку его не приглашал, но он сам после спектакля подошел к администрации, сказал, что он – священник, и попросил проводить к Ермакову. И вот входит отец Василий, а я еще в облачении, и протягивает мне положенные одна на другую ладони: «Владыка, благослови!». Потом он меня обнял, расцеловал и добавил: «Сашенька, ты играешь подлинного заступника православной веры. Человек приходит в храм в поисках чего-то глубокого, доброго, теплого. Человек смотрит спектакль с твоим участием, из которого для себя он может вынести какие-то выводы. Поймет, что, придя домой, не стоит ругаться с близкими, не стоит спорить, осуждать, злиться, тратить жизнь впустую. Театр – это тоже своего рода храм, в котором актеры несут свое служение. И мы с тобой занимаемся одним и тем же делом».

– **Совсем недавно вы вновь надели на себя облачение владыки. На основной сцене Малого театра в мае 2018 года на суд зрителя была представлена постановка «Смута» по книге В.Р. Медвинского «Стена» в сценической обработке Малого театра. Можно несколько слов о ней?**

– Этот спектакль мы готовили более трех месяцев. Репетиции шли практически каждый день. А мне сказали выйти, когда выучу свои монологи. Очередь все как-то до меня не доходила. Когда, наконец, я вышел на сцену и прочитал первый монолог, произошло неожиданное: актеры заплакали. После премьеры ко мне подошла одна из наших актрис и сказала: «На премьерке мы были вместе с мужем. Он не имеет никакого отношения к театру. В антракте супруг меня восторженно спросил: “Это вы специально священника пригласили?”». Естественно, моя вера помогла мне сыграть так эту роль.

В роли кардинала Мазарини

– **Вы пришли в театр уже церковным человеком?**

– О да! Я пришел к вере еще в советское время. В нашей семье было трое мальчишек. Папа – член коммунистической партии. Мама, правда, нет. Но у нас в доме всегда висела икона. Бабушка сказала: «Пусть будет». Отец никогда не заводил разговора о религии, поэтому я не знаю, как он в действительности относился к Богу. Я, можно сказать, убежал из дома учиться в Горьковское училище, так что мое взросление проходило вне отчих стен. Когда после учебы вернулся в Харьков, начал тайно ходить в церковь. Первым моим храмом стал Благовещенский собор. Мне тогда было двадцать шесть лет. Вы на себе это, к счастью, не испытывали: в то время в церковь свободно нельзя было ходить. Даже говорить об этом было опасно.

– **Но вы тем не менее ходили. При чем вас никто не заставлял и даже не звал.**

– Именно так. Сложно сказать, что двигало мною тогда. Что-то внутри тянуло. Причем ходил даже не по праздникам, а в самые обычные, будние дни. Но когда появилась зарубка в моем сердце, когда именно я начал строить храм в своей душе, точно сказать не могу. Христос, Матерь Божия были в сердце. Они оберегали всегда. Только я, наверное,

В роли Нарокова

медленно шел к Ним навстречу. Думаю, не ошибусь, если так скажу: сейчас я живу по церковным законам. Стараюсь прощать, стараюсь никого не обижать, улыбаться, радоваться. Но всякое бывает. Крикнешь на кого-то, потом поднимешь к небу глаза: «Прости, Господи». Это так, это — жизнь.

— У многих людей дорога в храм растягивается на долгие-долгие годы. Пусть медленно, но вы все же шли в нужном направлении. Не замечали, что кто-то будто подсказывает вам, подает какие-то знаки?

— Скажу откровенно, мистикой я не увлекаюсь. Мы жили на Солянке в коммунальной квартире. В 1991 году нас начали расселять. Предложили на выбор несколько квартир. Когда мы приехали в первую, вижу из окна детский сад. Думаю: «Как хорошо! Дочке будет куда ходить!». Жене говорю: «Пойдем, посмотрим на другую сторону». Там трамвай увидели. Погода такая солнечная! И прямо перед нами метрах в пятидесяти от нашего дома стоит храм Петра и Павла, что в Лефортове. Купола так сияли! Супруге говорю: «Будем здесь!». Она мне: «Давай еще посмотрим!». — «Нет, нет, здесь будем!». Там я познакомился и с моим духовником отцом Василием. Там я в первый раз и облачался. Там мы и венчались с женой. Батюшка очень хотел, чтобы я прислуживал в храме чтецом, ему нравился мой голос. Но театр... репертуар... они забирали почти все время.

— Для актера театр, в котором он служит, его второй дом. Можно сказать так же о Малом театре применительно к вам?

— Еще как можно! Начать с того, что я родился в селе Толоконное в 10–15 километрах от села Красное — родины Михаила Семеновича Щепкина. Что значит это имя для Малого театра, думаю, объяснять не нужно. Там же почти вся труппа выпускники Щепкинского училища. Когда по приглашению художественного руководителя я пришел в Малый театр и Юрий Мефодьевич узнал, откуда я родом, он так и сказал: «Ну, тебе Сам Бог велел работать у нас». Меня сразу начали вводить в репертуар.

— Насколько я знаю, у вас за плечами уже был профессиональный опыт.

— И немалый. Для начала после окончания Нижегородского театрального училища я получил повестку из военкомата. Отслужил два года. Половину срока в ансамбле, а вторую — на «точке», ракеты запускали. Первым театром для меня стал Горьковский театр комедии. Спустя какое-то время я поехал в Харьков. Можно сказать, случайно: поехал погостить к родителям, зашел в один театр, в другой... Главреж ТЮЗа мне и говорит: «Приезжайте. Будете играть Тили Уленшпигеля». Я и приехал. И остался на пять лет. Уже в 27 лет получил звание «Заслуженный артист УССР». В советское время границы между Россией и Украиной были условные.

— А говорят: искусство не знает границ.

— Милая Юлия, границы создают люди, и порой не самые добропорядочные.

— Итак, Москва...

— На пятнадцать лет меня прибрал к рукам Пушкинский театр. Дебютировал я там в роли Карла Моора в «Разбойниках» Шиллера. В скольких спектаклях довелось мне там сыграть — и не назову. Вспоминаю это время с большим теплом и благодарностью.

— Александр Юрьевич, если всё было так хорошо, почему оставили Пушкинский?

— Выпустили мы в Пушкинском премьеру на военную тему — «Семья Ивановых», по Платонову. Этот спектакль в течение нескольких лет посмотрела вся театральная общественность Москвы. Видели его и коллеги из Малого театра. Однажды раздался звонок: «Юрий Мефодьевич Соломин интересуется, не хотите ли вы перейти в Малый театр?». Вот уж действительно предложение, от которого невозможно отказаться! Я и произнес только: «Хочу».

— То есть вы помимо своего собственного обрели второй дом. А вот в чем это выражается? Как вы это почувствовали? Можете сказать?

— Ой, это не так просто! Как вы можете объяснить состояние любви? Или счастья? Или просто, что вам хорошо? Всё это — из области чувств, а чувства — как их объяснишь? Их, простите за тавтологию, нужно чувствовать. Могу привести такой пример. Когда в театр приходят знакомые, практически от всех слышу фразу: «К вам заходишь как домой». И это тоже из области чувств. После ремонта еще и года не прошло, мы его, по сути, обживаем. Но дух... он как был всегда, так и остался. Это неистребимо. Это все равно что намоленный храм. Ты можешь прийти сюда в любое время, и никто не спросит, что ты здесь делаешь. Заходишь в театр — с тобой все здороваются. И технический состав, и постановочная группа, дежурные, пожарные, осветители — всё равно кто. Только успевай отвечать на приветствия: «Добрый день. Здравствуйте!». Это по-доброму, по-домашнему.

— Я знаю, что в театре очень торжественно отмечали ваше шестидесятилетие. Это был персональный

респект или так отмечают вообще каждый день рождения?

– Нет, только юбилеи. Это наша замечательная традиция. За тобой домой присылают машину, у театрального подъезда тебя встречают, билетеры, кассиры, актеры выходят с цветами, играет наш оркестр...

– У драматического театра свой оркестр?

– Представьте, да. После памятного 1991 года живой звук сохранили только мы и Большой. А мне еще тогда сделали праздничную афишу. Отыграли веселый водевиль при полном зале.

– А откуда полный зал? Родственники, друзья, знакомые?

– Да что вы! Обычные зрители с обычными билетами. Это ведь тоже наши родные люди. Моих приглашенных было не больше двадцати человек.

– Есть такое понятие – *выгорание*. Когда человек невольно привыкает к рутинной, однообразной работе и атмосфере вокруг нее. Это часто бывает у врачей, преподавателей, социальных работников. Но актер тоже вроде бы делает одно и то же. Вы вон уже сколько лет в театре. Кого только не играли... Как у вас с этим самым выгоранием?

– Если уж пользоваться этим термином, то у нас скорее не выгорание, а сгорание. А огонь надоест не может. Сами знаете, на пламя, как на воду и на звезды, можно смотреть вечно. Допустим, сегодня я играю Вершинина в «Трех сестрах». Уже с самого утра половина меня в этом спектакле. Не потому, что я боюсь забыть слова, роль. Мне нужно вжиться в образ и раскрыть его, донести до людей то, что хотел сказать автор. Понимаете, роль, она постоянно изменяется. Сегодня ты играешь так, но вдруг понимаешь: здесь надо было сделать иначе. А завтра будет другое ощущение, и ты опять ищешь новый поворот. О каком привыкании, а тем более выгорании в нашей профессии можно говорить!.. Нужно играть так, чтобы тебя, пусть даже не зная языка, понимали на любой сцене мира.

– Такое возможно?

– Невозможно иначе! Мне на всю жизнь запомнился эпизод, связанный с актером Робертом де Ниро.

– Расскажите, пожалуйста!

– С удовольствием. Я служил тогда еще в Пушкинском театре. На этот раз

за рубеж мы поехали с чеховской «Палатой № 6». К нам на спектакль пришел де Ниро. Тогда его мало кто еще знал. После спектакля он зашел к нам в гримерную. Разговорились. Де Ниро сказал, что он очень высоко ценит русскую актерскую школу. У него висит портрет Станиславского. Он обратился к нам с вопросом: «Как вы играете? Мы, например, играем сначала головой, потом сердцем. А вы играете сердцем, и чем-то еще?». «Наверное, еще пупком», – ответил я ему. Он был восхищен нашей игрой, точнее, отдачей всего – нервов, сил, эмоций... Всякий раз, когда я вижу этого великого актера на экране, я вспоминаю ту нашу встречу и его слова о портрете Станиславского.

– Мастерство мастерством, но известно, что в актерской среде очень сильны поведенческие традиции. Считается, что нужно непременно совершить перед выходом на сцену тот или иной ритуал, иначе не будет успеха.

– Если называть вещи своими именами, вы все же подводите меня к разговору о суеверии. Ценю вашу деликатную настойчивость, но что есть, то есть: актеры – народ очень суеверный. Причем что интересно: так было во все времена и на всех сценах мира.

– В Малом театре есть своя традиция выхода на сцену? Помолиться, перекреститься?

– Выход на сцену – это не так просто, как кажется, всякое может произойти. Каждый может создавать свой ритуал. Креститься и молиться желающим не возбраняется. Православные знают, что крест – это замок, твой помощник. Теперь, например, я не могу, проезжая или проходя мимо храма, не перекреститься. Считаю это осознанным поведением верующего человека.

– На гастролях, наверное, еще труднее жить церковной жизнью, чем дома?

– И на гастролях при первой возможности стараюсь пойти в храм. Как без него? Бывало, вечером Страстной субботы отыгрывал тяжелый спектакль, потом немного приходил в себя и шел в храм встречать Пасху. Возвращался домой к пяти утра. В воскресный день бываю в храме, даже если вечером спектакль. Но только не надо меня вставлять в иконостас. Я не заикливаюсь на правах церковной жизни. Мы живем в

обычном мире, и он диктует свои правила. Выхожу из храма, встречаю людей, еду в транспорте. Я же не буду им говорить, что только что был в храме, что, может быть, мне хотелось бы помолчать, но – разговариваю. Считаю, что главное – моя душа была в храме и остается там. Вечером играю в спектакле, но мое собственное «я» – Александра Ермакова – оно всегда внутри.

– Я знаю: если спрошу вас, считаете ли вы себя счастливым человеком, вы наверняка ответите утвердительно. Поэтому перехожу сразу ко второму вопросу: вы счастливы от того, что нашли свое призвание и свой театр, или почему-то еще? Допустим, чувствуете, что делаете полезное дело.

– На первую половину вопроса вы уже ответили сами – о призвании и о театре. Что касается второй половины... В жизни я очень боюсь пафосных слов. Всячески стараюсь их избегать. Но раз уж вы спросили... Возможно, что кто-то, посмотрев тот или иной спектакль, вернется домой, сядет за компьютер, изучит, кто такой был владыка Дмитрий или Людовик XIV, обратится к Гоголю или к Чехову, расскажет это друзьям. Люди вспомнят историю, которую многие уже порядком забыли. Глаз порадуют прекрасные декорации, достойные костюмы (в Малом их изготавливают талантливые художники-костюмеры, и в их числе – Вячеслав Зайцев). Такие вроде бы простые вещи нет-нет да напомнят тебе: наверное, ты, старик Ермаков, и правда живешь не зря. Благодарю за это Господа!

– Спаси Господь вас, Александр Юрьевич! Низкий поклон за беседу. К сожалению, наш журнал не может подробно рассказать о каждой вашей роли. Пожалуйста, хотя бы перечислите, в каких спектаклях вы будете заняты в новом сезоне.

– «Три сестры» А.П. Чехова – я играю там Вершинина. «На всякого мудреца довольно простоты» – Голубкин. В «Молодости Людовика XIV» – по-прежнему кардинал Франции Мазарини. «Женитьба» по Гоголю – один из женихов. В «Ревизоре» я – почтмейстер. В водевиле «Таинственный ящик» – барон. В спектакле «Таланты и поклонники» – Нароков. Конечно, «Смута» – владыка Сергей.

Напоследок хочу пожелать вашей редакции и всем читателям милости Божией.

В ожидании чуда*

С оратник Параджанова, оператор «Теней забытых предков», автор национально-фольклорных притч «Родник для жаждущих» и «Вечер накануне Ивана Купала» Юрий Ильенко первым создает открыто религиозную притчу. Притчу о Христе, переполненную не только скрытыми, но и вполне открытыми религиозными смыслами, вплоть до прямых цитат.

Однако некоторая скрытость здесь неслучайна, ибо ну нельзя же на советском экране напрямую взять и экранизировать Новый Завет. Но... почти можно. Только осторожно. Ну хотя бы под видом копродукции о национально-освободительном движении.

Режиссеру предлагают снять совместно с Югославией историческую драму о черногорском правителе Петре I (только с нашим не путайте, это просто его тезка). Ильенко с радостью соглашается, ибо знает одно: теперь то, о чем он хочет сказать городу и миру, — состоится. Подобную ленту, буде она просто снята, или бы запретили на стадии замысла, или не выпустили бы на экран, а тут — уже как не выпустить? — копродукция! И даже если у нас фильм выйдет ограниченным тиражом, то в Югославии уж попадет на экраны стопроцентно. И под весь этот шумок, видимо, втихую договорившись с югославской стороной, Ильенко начинает снимать религиозную притчу под названием «Наперекор всему». Посыл вроде бы такой же, как у Машенко — «наперекор всему» прорвать постылую реальность *верой*. Но Ильенко сразу же поворачивает в другую сторону: он не станет просто

декларировать эту веру, он подвергнет ее испытаниям, как и полагается в притче.

Все ждут исторического «блокбастера», в «Советском экране» на цветной вкладке появляется репортаж о съемках фильма. Ух какие кадры! — чувствуется масштаб! — тут такие планы, там этакие, тут вон битва с турками, тут огонь полыхает, тут выразительные крупные планы персонажей, причем снятых тоже в действии, и явно в какой-то другой среде и другом пространстве. В общем, как и полагается масштабно-зрелищному фильму, сред и пространств тут будет много, и фильм окажется обреченным на успех. Ура.

Каково же, наверно, было разочарование советских властей, когда никаких пространств в фильме они не увидели, кроме одного — бесконечной пустыни камней, почти театрализованной, ибо жить в таких камнях невозможно. Однако в этом каменном мире гнездятся некие жилища, есть маленькая церковь, и один раз там возникает пожар. Вот и вся вам зрелищность. А репортаж с яркими фото был хитрым фейком, совершенно сознательно настраивающим на совершенно иной лад. Так сказать, убаюкивающий бдительность.

Никаких блокбастеров — чистый стопроцентный артхаус. И герой-то — «под названием» владыка Петр I на него и не похож вовсе — бродит с первого до последнего кадра по этой пустыне камней в черном ветхом рубище. Не на правителя государства он похож, а на пророка, странника. А более всего — на Христа. Он и загримирован под него, и актер взят с соответствующим лицом.

Черногорцы, во главе которых стоит Петр, страдают от бесконечных набегов

турецких завоевателей и мечтают отправиться на борьбу с ними. Но Петр не желает никакой борьбы, он стремится к духовному объединению нации, к ее сохранению — тем более что ее постоянно раздирают еще и междоусобицы. Он видит, что народ пребывает в состоянии мучительной разорванности, раздробленности, непонимания, что происходит и как действовать. Ему не хватает духовного стержня, объединяющего центра, абсолюта. В каменной пустыне Петр пытается возвести храм, но ничего не выходит: люди отказываются его строить. И вместо храма стоит пустой остов с одиноко висящим колоколом.

Люди жаждут действия, Петр же пытается создать основы новой веры. Он пытается обратиться за помощью к России, но та оказывает ее крайне вяло. Остается надеяться на свои силы. Помощь предлагает Европа, но ей необходимо, чтобы часть черногорцев была послана на отстрел яковинцев. Петр отказывается. Еще раз подчеркнем, что все эти исторические реалии в фильме обыгрываются предельно условно — здесь властвует исключительно стихия религиозной притчи. Поэтому важнейшей фигурой в ней становится странный персонаж, постоянно возникающий рядом с Петром. Некто владеющий золотом мира и раздающий его под залог, чтобы обеспечить свою духовную власть над миром. Конечно, это дьявол — пусть и пребывающий здесь в подчеркнуто земном обличье. Если воспринимать фильм согласно привычному сюжетному нарративу, логику этого персонажа мы вряд ли поймем. Кажется, он готов все на свете отдать, чтобы обеспечить Петру нравственную власть над

«Наперекор всему»

«Ночь накануне Ивана Купала»

миром. Однажды сей лукавый персонаж даже сжигает свой дом и приползает в рубище к Петру, неся ему все свои богатства и возвещая на весь мир о его святости. Но Петр отказывается от богатств. Когда же владыке грозит реальная гибель, дьявол здесь всегда его спасает – смерть Бога ему не нужна. Однако лукавый беспрестанно искушает Петра, будто проверяя его на внутреннюю стойкость. Чаще всего Петр пасует перед ним, как будто не понимая, чего он хочет. Не очень понимаем и мы, ибо все поступки дьявола в фильме не имеют никакого логического продолжения, а просто обрываются.

Но вот наступает необходимая для притчи развязка. Турки снова у ворот Черногории. Петр решает идти на борьбу с ними. Лукавый приходит к нему на рассвете и произносит загадочные слова: «Я все-таки люблю тебя больше, чем турок. Потому хочу предупредить тебя: не бойся завтра в бою удара в спину, бойся просвета» – и уходит. Петр кидает ему вслед камень с криком: «Дьявол!». И так, вещи вроде бы названы своими именами, но названы уж слишком туманно. Я до сих пор гадаю, какой просвет имел в виду искушитель, но ответа найти не могу.

Перед боем сей князь богатств мира сего появляется перед народом и зачитывает некий приказ, низвергающий власть Петра. И Петр убивает дьявола. Это уже интересно, ибо тут наконец возникает некое метафизическое движение, обозначается логика. Итак, посмотрим, что же далее.

Петр ведет народ в бой с турками. Погибают все. Владыка остается один, возвращается в пустой недостроенный храм и начинает бить в колокол, как и в начале фильма. Собирает тех, кто, может быть, остался в живых. Всё сначала. Вопреки всему, наперекор всему.

В фильме Петр испытывает три смерти. Во время второй смерти он уже полностью превращается в Христа на экране, ибо во время очередного народного недовольства его правлением оказывается распятым на камнях и умирает от града летящих в него камней.

После двух смертей следуют два воскресения. Также обратим внимание, что и искушений дьяволом в фильме тоже три. Попытка последнего искушения (увы, наиболее невнятного) приводит к гибели дьявола. После чего следует и духовная гибель Бога, ибо, подняв народ на борьбу, он изменяет себе, изменяет своей вероистоицистского духовного непротивления. У героя ничего не получилось, но, погибнув духовно, он теперь, уже и окончательно, духовно воскресает. Да, дьявола он победил, но с его гибелью потерял и себя. Остается верить, что после третьего воскресения дьявол рядом с ним больше не воскреснет и герой уже не изменит себе. Впрочем, все остается под вопросом. А пока – над каменной и абсолютно безлюдной пустыней бьет его колокол, созывая новых, иных, других людей. Которые должны прийти на смену погибшим.

В общем, религиозная притча состоялась. Даже более чем, ибо появление такого произведения (я уж не говорю о бесконечном количестве библейских цитат, коими усыпан фильм) на советском экране не уникально. Забавно, что так же, как и в случае с «Фокусником», фильм рецензировать запрещено – его решено замолчать. Третьим (в основном, кино клубным) экра-

в прокат он выпущен – копродукцию, и было сказано, не выпустить нельзя – но нужно сделать все, чтобы оной ленты как бы и не существовало.

В общем, власти так же отворачиваются от возникшего на экране Бога, как Он в фильме от дьявола. Правда, от одного дья-

вола «отворачиваются», увы, и сами авторы, ибо они решительно не знают, чего с ним делать по ходу фильма. С прообразом Бога на экране, владыкой Петром, они разобрались на удивление здорово и грамотно – все-таки вот что значит фольклорно-метафизическая украинская школа! А перед дьяволом растерялись.

Нет, он у них и раньше появлялся – да хотя бы в том же «Вечере накануне Ивана Купала» у того же Ильенко. Да и колдун в «Тенях забытых предков» был вылитый сатана. Да только уж в очень сниженных обликах там дьявол предстал – скорее, это был просто некий фольклорный черт, который, радуясь и ликуя, просто стремится совершать всяческое зло и путать всем карты. Издевался над людьми, но не более того. Об искушениях вовсе и не задумывался, белые одежды антихриста на себя не надевал.

Йоко же (так зовут дьявола в «Наперекор всему») пребывает на экране исключительно в белых одеждах, и лик у него просто апостольский. Он призван сюда именно искушать. Только что это такое, авторы представляют смутно, потому начинают наводить тень на плетень и несколько запутываются. После убийства дьявола у них явно наступает вздох облегчения, ибо теперь-то они точно знают, куда вести свою притчу и какой ей придавать смысл. Жаль только, что это уже и ее финал.

Первое постижение Бога на экране, в общем, состоялось. Постигание дьявола – нет. Авторам кажется, что дьявол – в богатстве, в деньгах, и потому они делают его богачом. Но неудивительно, что все попытки одного искушить этим богатством Петра ни к чему не приводят – уж больно туманна цель («Отдав все богатства Петру, я сделаю его святым, и вот тогда наступит моя власть», – утверждает

«Каждый день доктора Калинниковой»

Йоко, и... ничего не понятно). Меж тем, если бы режиссер дал дьяволу другую роль – альтернативного духовного лидера нации, беспрестанно подзуживающего ее на борьбу и друг с другом и с внешним врагом, все стало бы на свои места. Однако Петр сам решается на борьбу и, убив Йоко, не то чтобы превращается в него, но утрачивает источник духовного противостояния – и проигрывает. Беда лишь в том, что никакого противостояния с Йоко у него в фильме и нет, ибо тот скорее просто путается под ногами, нежели представляет источник духовной опасности.

Прощаясь с советской идеологией *борьбы и крови*, авторы сами испытывают те же внутренние борения, что происходят и с их героем, но до конца отказаться от религии борьбы они не могут: так приучены сызмалства. Они чувствуют, что борьба не к добру приводит, а лишь к разрушению и к становлению великой утопии, всегда заканчивающейся кровью и бараками, но центр, ядро, зерно воплощения этой утопии они постичь не могут. Им кажется, что если она и происходит, то по ошибке ее носителей – богов.

Ну хорошо хоть так. В общем, подобный урок тоже немаловажен.

Другое дело, что притча Ильенко еще и потому прошла незаметно, что наверняка ее никто не понял вообще, в том числе и продвинутый кино клубный зритель. Религиозные смыслы из контекста произведения никто еще вычитывать не умел.

И все же один раз нечто подобное произошло. Буквально через год после фильма Ильенко появляется еще одна религиозная притча. Точнее, не совсем притча, но религиозная драма. Рядящаяся, как ни странно, под производственную киноповесть. Но это нам сейчас несколько странно, а тогда, возможно, тут и был самый правильный ход. Ибо жанр производ-

ственной драмы в начале 70-х становится наиболее неподсудным, и вот уже постепенно прорастают новые драматурги, научившиеся вкладывать в сюжеты о проблемах завода самые антисоветские смыслы, долженствующие «узаконить» на экране абсолютную недееспособность плановой, сиречь социалистической, системы. И всё – под видом борьбы с отдельными недостатками на отдельных местах.

Да, в 1973-м уже выходят во МХАТе вполне антисоветские «Сталеваеры», и неслучайно они становятся первой «чайкой» нового МХАТовского лидера – О. Ефремова. Уже пишут свои будущие «Премии» еще далеко не «нижеисписавшиеся», а пребывающие в полной силе другие авторы – страна беременна новыми социальными токами. Во многом это происходит и из-за того, что на последнем, 1972-го года, фестивале произведений о рабочем классе продвинутые рабочие, заседающие в жюри, решают не давать премий никому, ибо все предъявленные на их суд творения, по их мнению, являются позором. Власть принимает сей маленький бунт во внимание и начинает чесать в затылках: в самом деле, почему бы не вернуться к острой критике *отдельных* недостатков, как это было во многих удачных фильмах и романах 60-х?

Под сей шумок сценарист А. Лапшин и режиссер В. Титов предлагают некий «байопик» о нашем успешном и уважаемом современнике – докторе Гаврииле Илизарове. Фамилию ему они, конечно же, меняют еще на стадии заявки. На роль выдающегося хирурга намечаются или Е. Леонов с А. Папановым (концепция: наш великий хирург – не бог, а земной и даже немного смешной, обыкновенный человек) до Л. Маркова.

До Маркова... А вот тут уже концепция вырисовывается другая, ибо Мар-

ков – актер явно небытовой, а по облику своему и вовсе напоминает Бога.

Власти отвергают заявку: рановато прославлять на экране человека, рядом с нами живущего, да тем более еще и несколько опального. Во всяком случае, пребывающего не на авансцене общественной жизни, а где-то немного в стороне. Тем более что далеко не все вообще знают о его существовании.

Но авторы уже заточились. И Лапшину с Титовым приходит в голову счастливейшая идея – сделать своего героя женщиной – таким образом, они уйдут и от тени Илизарова. Власти соглашаются.

Однако нашим героям явно стучит в голову другая «тень» – именно «тень» Маркова, а она весьма непростая... Ибо в своем замысле они все более и более настраиваются на религиозный лад. Строят соответствующий контекст фильма они весьма изящно – открыто-завуалированно, где-то обнажая его, а где-то лишь намекая. Фильм выходит на экране под названием «Каждый день доктора Калининской» и, несмотря на абсолютную бессюжетность и бессобытийность, имеет успех и у критики, и у зрителей. Странно, если бы было иначе: он снят с таким внутренним напряжением, что, кажется, сейчас все происходящее развернется в какую-то чудовищную драму, если не трагедию. Надо сказать, это Титов всегда умел. По тому же принципу он вскоре сделает и «Открытую книгу», и «Жизнь Клим Самгина» – выдающиеся фильмы.

Доктор Калининская работает в маленькой областной больнице, но она известна всей стране своим методом лечения костных болезней. С властями она не в ладу, и потому к ней бесконечно следуют проверки за проверками – всё выискивают в ее методе шарлатанство, работать мешают.

«Каждый день доктора Калининской»

«Жизнь Клим Самгина»

У Калининковой двенадцать учеников, один предает. Так, ага. Ну, вы поняли.

В финале фильма безнадежного больного она поднимает на ноги словами «Встань и иди».

За кадром постоянно звучат церковные хоры – мощные и остросовременные, написанные С. Губайдулиной.

Это открытые религиозные знаки. Есть и скрытые. По одну сторону от больницы – прекрасный сад, по другую – холодная пустая равнина. Выйдя в нее, один из персонажей умирает. Сад-рай весь наполнен дыханием жизни, по другую сторону ад пустоты – там только смерть.

В одной из палат мы видим седого человека с ликом Бога (его играет А. Александровский – не профессиональный актер – человек, двенадцать лет проведенный в сталинских лагерях, и с печатью страдания на лице. Он запомнится, после этой роли его начнут редко, но снимать – уж больно выразительный облик). Он обезножен, он скован абсолютной неподвижностью. Немаловажно, что никакой драматургической функции у этого персонажа нет – он просто время от времени напоминает о себе, появляясь под метафизическую музыку.

...Вот так обозначишь эти религиозные знаки, и покажется, что фильм представляет из себя какую-то чудовищную напыщенно-претенциозную кашу. Но ничего подобного: его течение абсолютно реалистично и убедительно. В том-то и дело, что метафизическая ткань вписана в предельно достоверный контекст фильма, нигде себя открыто символически не проясняя. Ее можно заметить, а можно и нет. Зритель, конечно же, не заметил.

А критики заметили. И удивились. Они не очень поняли, зачем вся эта метафизика нужна, но отметили, что благодаря ей фильм смотрится не просто на одном

дыхании, а куда-то властно тебя ведет. Над ним как будто распростерта длань иного сознания, иного взгляда – высшего, надмирного. Таким образом, рассудили они, быт на экране становится бытием, а действия героини превращаются в некое служение, подвиг. И это очень хорошо, а то хватит с нас быта, вон кругом кино какое бытовое, серость одна. И то правда: в подобную серость в начале 70-х выродился обычный реализм, ставший даже уже не соцреализмом, а вялой мякиной однообразия и единообразия. Советская религия уже работать перестала, а ее паства продолжает уныло, день ото дня будто исполнять наложенную кем-то на них епитимью – все от нее устали, а исполнять вроде как надо.

Все ждут прорыва, все больны этим прорывом. Ну вот появился и новый его вариант: а действительно, давайте поведем нашу советскую жизнь чем-то иным, высшим! Может, тогда она приобретет и более героические черты? Чего мы тут, в самом деле, как мыши в норах колуемся? Мы же тоже... в общем, движемся, работаем, горим на производстве. Мы... ну, того... в общем, тоже боги. Новый мир все-таки создаем... как бы.

Итак, «Каждый день доктора Калининковой», что называется, попал в струю. И всеми был отмечен как достижение советской кинематографии.

Только смысл его был вовсе не в том, о чем написано выше. Авторы сказали совсем об ином: когда начинается тотальная стагнация, то *мужчина, творец, хозяин, руководитель, «Бог»*, теряет свою духовную силу. Все попытки ее обрести приводят только к ускоренному бегу на одном месте. И тогда функцию Бога, Творца, должен взять на себя кто-то иной. Здесь это женщина. В «Фокуснике» – мужчина, но еврей.

Не прорыв, коего так все жаждут, необходим обществу. Иной взгляд. Взгляд не изнутри привычного порядка вещей, а со стороны.

То-то всю пятилетку все будут обсасывать с разных сторон «Человека со стороны» И. Дворецкого – даже два раза экранизируют – и, что смешно, оба раза в 1973-м – на ТВ и в «большом кино». На Чешкова, героя этой совершенно обычной, серой, посредственной пьесы буквально будут молиться – вот он, вот он, пришел, принес с собой прорыв на производство! Вот такой руководитель нам нужен – это *он*, в белой кепочке, которую практически не будет снимать, ибо это нимб, явился к нам в исполнении В. Заманского с советских небес и сказал: «Надо лучше работать, лучше!». И заставляет всех работать.

Правда, пьеса сия была весьма неубедительна, ибо завод и без Чешкова в пьесе работал хорошо. А будет ли так же работать при его жестких методах, вообще неясно. Но судя по всему, конечно, будет, ибо поначалу оный «Бог» вызвал в дружном коллективе некое неудовольствие, а потом его все преспокойно приняли в свои рабочие объятия. И что в таком случае автор нам хотел сказать, остается неясным.

Чешков станет символом бега на одном месте, в котором время начала 70-х замерло и оцепенело.

Религиозные драмы зададут ему новый посыл. Он практически не будет подхвачен. Но его услышат.

И буквально через год – в 1974-м, а уж тем более в 1975-м – воистину прорывных годах – причем, не только в кинематографе, но во всех сферах искусства и жизни – посыл сей проявится на совершенно новом, воистину ином уровне. Он состоится там, где его никто не ждет.

«Открытая книга»

Храм «Большое Вознесение» у Никитских ворот. Здесь венчались родители академика Сахарова.
В этот храм маленького Андрюшу водили исповедоваться и причащаться

Православное детство академика Сахарова

У старшего поколения современных россиян имя Андрея Дмитриевича Сахарова прочно связано с инакомыслием и самоотверженной борьбой за права человека. Сам факт, что крупнейшие оппозиционные мероприятия в Москве проводятся именно на проспекте Академика Сахарова, придает этой смысловой ассоциации большую силу и выразительность. Что касается наших более молодых соотечественников, то готов предположить, что немногие из них знают о том, что Андрей Дмитриевич был выдающимся советским физиком, много и плодотворно потрудившимся на поприще укрепления обороноспособности нашей страны. А о том, что будущий лауреат Нобелевской премии мира родился и вырос в крепкой православной семье, известно совсем немногим людям – как пожилым, так и юным. В этой заметке мы постараемся восполнить пробелы этого знания. Надеюсь, что это поможет читателям «Лампады» лучше осознать глубину и масштабность многогранной личности крупного ученого и ярко общественного деятеля, неразрывно связанного с историческими и духовными традициями своего народа.

Вид плотного потока автомобилей, несущихся по Садовому кольцу в районе Кудринской площади, вряд ли кому-то навевает воспоминания о Москве первых десятилетий прошлого века. Но если от шумной магистрали свернуть на Малую Никитскую улицу и пройти пару сотен метров, то вскоре окажешься в небольших переулках, которым местами удалось сохранить черты довоенной столицы. В ту эпоху еще стояли многие старинные мо-

сковские храмы и потихоньку доживали свой век ветшающие дворянские особняки. В этих переулках прошло детство и юношеские годы Андрея Дмитриевича Сахарова. События и впечатления тех лет оказали сильное влияние на душевный склад и мировоззрение будущего ученого и общественного деятеля.

Дед академика Сахарова, Иван Николаевич Сахаров, был десятым ребенком в семье и единственным получившим

высшее (юридическое) образование. Будучи человеком энергичным и амбициозным, он приехал покорять Москву и в 1910 году рядом с Малой Никитской в Гранатном переулке снял квартиру в небольшом уютном жилом доме. Этот дом принадлежал М.С. Гольденвейзеру, юрисконсульту банка Полякова. Адрес здания выглядел так: Гранатный переулок, 3. Иван Николаевич делал успешную карьеру на юридическом поприще и на момент своего появления в Гранатном переулке уже был председателем Московского юридического общества. О предках по отцовской линии Андрей Дмитриевич сообщил в своих воспоминаниях следующее: «Дед отца Николай Сахаров был священником в пригороде Арзамаса (село Выездное), и священниками же были его предки на протяжении нескольких поколений. Один из предков – арзамасский протоиерей...».

Отец будущего академика, Дмитрий Иванович Сахаров, был разносторонне одаренной личностью. Он великолепно играл на рояле, с золотой медалью окончил Гнесинское музыкальное

училище. Фамилия Сахаров до сих пор начертана на мраморной доске в училище в списке лучших выпускников-медалистов. Дмитрий Иванович поступил в медицинский институт, учился довольно успешно, но потом перешел на физико-математический факультет Московского университета и окончил его в 1912 (по другим данным – в 1913) году. С 1915 года Д.И. Сахаров преподавал физику в частных учебных заведениях, а также на неких курсах, где он познакомился со своей будущей супругой, преподававшей на этих же курсах гимнастику. Главным делом жизни Дмитрия Ивановича был «Сборник задач по физике», выдержавший 13 изданий и очень популярный у советских преподавателей физики, студентов и школьников.

Андрей Дмитриевич Сахаров появился на свет 21 мая 1921 года в Москве в родильном доме около Богородице-Смоленского Новодевичьего монастыря. Тогда знаменитая обитель была еще действующей, и вполне возможно, что теплым майским днем в окна родильного дома вливался благовест ее церквей. Нет сомнений в том, что верующие родители будущего академика придерживались старинного правила выбирать имя младенцу по святым. Поэтому не исключено, что сына нарекли в честь святого мученика Андрея Лампсакийского (пострадал за веру около 249–251 года), память которого празднуется 31 мая.

Первые год или полтора своей жизни маленький Андрюша прожил со своими родителями в Мерзляковском переулке, в комнате, расположенной в подвальном помещении. В каком доме располагалась квартира Сахаровых, к сожалению, не известно, но этот московский адрес был для семьи неслучайным. Дело в том, что Мерзляковский переулок тянется от нынешнего Нового Арбата к Большой Никитской улице. Он заканчивается напротив храма «Большое Вознесение» у Никитских Ворот. Уже в зрелые годы в разговоре с одним своим старым приятелем и однокурсником по университету, проезжая мимо этого знаменитого храма, Сахаров произнес следующие слова: «В этой церкви не только Пушкин венчался с Натальей Николаевной. Там венчались и мои папа и мама».

Мама Андрея Дмитриевича, Екатерина Алексеевна, происходила из старинного обрусевшего греческого рода Софиано. Не исключено, что о представителях именно этого семейства упоминает Алек-

Это здание стоит в Гранатном переулке на месте дома М.С. Гольденвейзера, где прошли детские и юношеские годы Андрея Дмитриевича

сандр Сергеевич Пушкин в своем письме к Василию Андреевичу Жуковскому, отправленному в октябре 1824 года из Михайловского: «8-летняя Родоев Софианос, дочь грека, павшего в Скулянской битве героя, воспитывается в Кишиневе у Катерины Христофоровны Крупенской, жены бывшего вице-губернатора Бессарабии. Нельзя ли сиротку приютить?».

Дед Сахарова по материнской линии, Алексей Семенович Софиано, был профессиональным военным, артиллеристом. Дворянское звание и первый офицерский чин он получил, оказав некую важную услугу освободителю Болгарии генералу Михаилу Дмитриевичу Скобелеву во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. По некоторым данным, Алексей Семенович в боях под Плевной под яростным огнем неприятеля вывел под уздцы из болота лошадь, на которой сидел генерал.

Из Мерзляковского переулка семья Андрея Дмитриевича переехала в квартиру в Гранатном переулке. На тот момент дедушки по отцовской линии уже не было в живых – Иван Николаевич Сахаров скончался в 1918 году. В доме Гольденвейзеров в Гранатном переулке осталась жить его вдова – Мария Петровна Сахарова (в девичестве Домуховская), бабушка Андрюши по отцовской линии.

В своих воспоминаниях академик Сахаров пишет: «Моя мама была верующей. Она учила меня молиться перед сном («Отче наш...», «Богородице Дево,

радуйся...»), водила к исповеди и причастию...». Кстати, исповедовался и причащался Андрюша в том же храме Большое Вознесение у Никитских Ворот, в котором венчались его родители. В своих мемуарах Андрей Дмитриевич сообщает: «В моей памяти живы воспоминания о посещениях церкви в детстве – церковное пение, возвышенное, чистое настроение молящихся, дрожащие огоньки свечей... Я помню какое-то особенно радостное и светлое настроение моих родных – бабушки, мамы – при возвращении из церкви после причастия...».

Особенно яркий и радостный след в памяти будущего ученого оставили праздники в его детской квартире: «Детские праздники устраивались в дни рождения и именин детей и на елку (Рож-

дественскую. — В. Р.)... со сладким угощением, обычно домашним мороженым, с общими играми, шарадами, фокусами...». Среди гостей этих праздников часто появлялись Ольга Яковлевна Кудрявцева и ее сын Олег. Олег Всеволодович Кудрявцев (1921–1955) впоследствии получил ученую степень кандидата исторических наук, преподавал в Московском университете. Олег был необычайно одаренным ребенком. Он с детства решил, что непременно станет историком. Он очень много читал и все прочитанное — включая хронологию — безупречно запоминал. Об Олеге Кудрявцеве Сахаров в своих воспоминаниях замечает: «Олег с его интересами, знаниями и всей своей личностью сильно повлиял на меня, внес большую “гуманитарность” в мое миропонимание, открыв целые отрасли знания и искусства, которые были мне неизвестны...».

Чрезвычайно интересные подробности о влиянии Ольги Яковлевны Кудрявцевой на раннее образование академика Сахарова в книге «Невидимые нити. Церковь, события, люди» приводит Анатолий Борисович Свенцицкий (племянник известного духовника и проповедника протоиерея Валентина Свенцицкого), который также бывал на детских праздниках в квартире Сахаровых в Гранатном переулке. Он пишет следующее: «Ольга Яковлевна убедила наших православных родителей не отдавать нас в первые классы школы, чтобы избежать влияния атеистических и коммунистических идей. Была организована как бы тайная классическая гимназия на дому, занятия проходили в основном на квартире Кудрявцевых. Сюда приходили прекрасные педагоги, учившие нас литературе, светской и церковной истории, Закону Божию. Впоследствии ни я, ни Олег Кудрявцев, ни Андрей Сахаров никогда не были пионерами и комсомольцами...».

Вы только вдумайтесь, дорогие читатели, как можно было «избежать влияния атеистических и коммунистических идей» в двадцатые годы прошлого века? В тот момент в нашей стране стреми-

Иван Николаевич Сахаров и Мария Петровна Домуховская — дедушка и бабушка Андрея Дмитриевича по отцовской линии. Фото 1882 года

тельно наращивал обороты коммунистический эксперимент. В 1922 году уже просигналил долгими гудками «Философский пароход», по указанию Ленина навсегда высланный из отчины цвет ее научной, философской и религиозной мысли. В обход чекистских кордонов самостоятельно покинули страну тысячи деятелей культуры, искусства, предпринимательства, чье творчество, работа и образ жизни не вписывались в идеологические рамки нового безбожного государства. Как в таких условиях нормальному человеку, оставаясь в советской России, можно было противостоять агрессивно-навязчивому воздействию этих самых атеистических и коммунистических идей? Ответ вроде бы очевиден: только уйдя во внутреннюю эмиграцию, в подполье, глубоко растворившись в широкой народной массе, переместившись на периферию огромной страны, в самые ее отдаленные и глухие регионы. Но был и еще путь. Его выбрали родители Андрея Сахарова и их братья по вере. Этот путь

заключается в верности своим идеалам и убеждениям, в максимальном сохранении своей внутренней свободы и тесном единстве со своими единомышленниками. Казалось бы, безнадежная задача в тех исторических условиях, но, как оказалось, — давшая свои хорошие плоды.

Заканчивая заметку, хочу спросить себя и читателей: так как же православное детство академика Сахарова повлияло на его дальнейшую судьбу? Мне кажется, что главный итог этого влияния состоит в том, что Андрей Дмитриевич обрел силы и уверенность, позволившие ему смело идти своей дорогой и оставаться самим собой в самых, казалось бы, неблагоприятных условиях. Будучи выдающимся физиком-оборонщиком, вознесенным на самую верхушку социальной пирамиды, он не побоялся стать активным и последовательным правозащитником в совершенно безнадежных, на первый взгляд, условиях тоталитарного государства. Он с огромным энтузиазмом, твердой верой в свое предназначение смело вы-

полнял свою гуманную миссию. В июле 1973 года в интервью корреспонденту шведского радио и телевидения Улле Стенхольму академик Андрей Дмитриевич Сахаров сформулировал свое человеческое и мировоззренческое кредо, которое сегодня смело может написать на своем щите любой современный православный христианин: «Это — естественная потребность создавать идеалы, даже когда не видно непосредственного пути их осуществлению. Ведь если нет идеалов, то и надеяться вообще не на что».

P. S. Дом М.С. Гольденвейзера в Гранатном переулке, выстроенный по проекту архитектора С.С. Эйбушитца в 1884 году, где прошли детские и юношеские годы академика А.Д. Сахарова, не сохранился. Во время Великой Отечественной войны, 23 октября 1941 года, в него попала фашистская бомба. Были убиты несколько человек, но родные Андрея Дмитриевича не пострадали. Позже на этом месте было построено другое здание, в котором сегодня располагается отдел МВД.

Наталья Прохорова

Готов на всё, что не против Совести

А мне легко было, потому что было и есть у меня три матери: первая – Богородица – Царица Небесная, вторая – Родина – Россия, а третья – это матушка моя родная Мария Васильевна – прелестная.

Игорь Григорьев

Игоря Николаевича Григорьева часто называют *поэтом последней деревни*. Все его творчество – это грусть по уходящим русским селениям. Боль за великую страну, которая теряет основу своей самобытности, культуры, истории и обретает не свойственный ей образ существования. К сожалению, имя стихотворца было на долгое время незаслуженно забыто, хотя в 60-ые годы XX века он был широко известен и почитаем, а его своеобразный, ни на чей не похожий поэтический язык ставили в пример.

Поэт ушел в небытие еще при жизни по причине простой и суровой: он не принял сегодняшнюю российскую реальность. Он никогда не преклонялся перед властью имущими, не мерил успех рублями, всегда был верен своему делу и своему слову. И реальность ему отплатила сполна. Нам забывать – не мешки таскать. Вот что сказал об отце сын – доктор медицинских наук, профессор протоиерей Григорий Григорьев: «Он человек больной совести, человек, у которого не было никаких компромиссов, очень неудобный был человек в жизни. Всегда говорил правду, не было у него совсем никакой дипломатии. Поэтому, конечно, многим это не нравилось».

Родился Игорь Григорьев 17 августа 1923 года на маленьком Гришином хуторе, что близ деревни Ситовичи, в Порховском районе на Псковщине.

Я в русской глухомани рос,
Шагнешь – и прямо на задворках
Тоска, да мох, да плач берез,
Да где-то град уездный Порхов.
В деревне – тридцать пять дворов;
На едока – полдесятины;
На всех – четырнадцать коров,
Да в речке Узе вдосталь тины.
Народ – на голыше босяк.
А ребятню что год рожали.
Как жили? Всяко: так и сяк –
Не все, однако, в даль бежали.
Большим не до меньших – дела:
Не как теперь – не на зарплате.
Нам нянькой улица была,
Низина – мамкой, взгорки – тятей.
Про зиму что и вспоминать:
Метель выюжила на болоте, –
Зима и сытому не мать;
Хоть в шубе будь, да всё не тетя.
Весной сластились купырем,
Подснежкой клюквой да кислицей;
Под май – крапивки поднагрем:
О вешний суп с живой водицей!
Зато уж лето детворе
Надарит бобу и орехов
И птичьих песен на заре,
А солнышко нажжет доспехов...
Нас в люди выводила Русь
Всей строгостью земли и неба;
Пусть хлеб ее был черным, пусть,
Но никогда он горьким не был.¹

Стихосложение у Григорьевых – занятие, можно сказать, семейное. Отец, Николай Григорьевич, тоже занимался сочинительством, но в профессиональные поэты не выбился (а может, и не рвался). В Первую мировую служил унтер-офицером в батальоне саперов, а закончил войну командиром саперного полка. Георгиевский кавалер, любимец генерала Брусилова, участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве. После революции стал колхозным пастухом (слава Богу, хоть так обошлось). А вот стихов не бросал. Выгонит стадо на пастбище – сам за любимое занятие. О чем писал? Да о том, что окружает,

что любит, в чем не чаёт души. Лес, птицы, звери, рыбалка, охота... Да почитайте стихи сына, и вы все поймете сами.

Мой родитель – чудила-поэт,
Песен целую торбу сложил:
Что плакатов извел на куплет,
Что исчиркал свекольных чернил!..
Муза строго взимала оброк:
Ночь бессонну за рифму – на стол.
Хоть бы рупь сгонорарничал впрок.
Так и тешился – гол как сокол.
У чугунок, бывало, сидим –
Разоряется ветер в трубе
Да за хутором волк-нелюдим
Забавляется – жутко себе!
Уговаривал батя меня:
– Ты зимы плакунов не суди,
Ты их слушай, испуг отстраня, –
Пригодится еще впереди.²

Постигал поэзию Григорьев-младший, разумеется, не только по стихам отца. Еще пятилетним он оказался под сильным впечатлением от стихов Бунина. Иван Алексеевич сравнивал просвет между веток, откуда виднеется голубое небо, с деревенским оконцем. Этот образ не просто глубоко запал в душу, но и, можно сказать, наложил отпечаток на всё его творчество. В этом просвете маленький Игорь увидел вечность, необъятность, Бога. И вот это его видение Всевышнего (возможно, в столь юном возрасте еще полностью не осознанное) через природу – храм Божий окрасило особым светом любовь к родной земле, стало фундаментом его поэзии. Кстати, свое первое стихотворение он тоже написал в пять лет. Буквально сразу же, как его поразил этот просвет между ветвями, отец наказал сына за долгие прогулки. И стоя в углу, он сложил эти четыре строки:

Речка милая моя,
Без тебя как без рук я!
Ольга рыжа, что лиса,
На носу два колеса.

Его раннее детство прошло на Гришином хуторе, а вот десятилетку уже

¹ «Я в русской глухомани рос» (1982).

² «Березовый сок» (Николаю Григорьевичу, отцу моему) (1994).

оканчивал в поселке Плюсса, тоже в Псковской области. Там, восемнадцатилетнего, его и настигла Великая Отечественная. И хотя душа противилась крови, насилию, убийствам, он пошел воевать – во главе плюсского молодежного подпольного отряда. Там было около сорока таких же подростков пятнадцати – двадцати лет. Причем ребята делали свое дело так ловко, что немцам даже в голову не могло прийти заподозрить их или кого-то из местных жителей. Григорьев руководил подпольем до слияния отряда с 6-й Ленинградской партизанской бригадой.

Известно: войны без потерь не бывает. Не бывает войны и без трагических потрясений. Но встречаются среди них такие, над которыми не властно время, хотя, говорят, оно любые раны лечит. Вместе с Игорем в отряде воевал его младший брат Лёва – Лёка, как звали его товарищи. Однажды они стали жертвой измены и попали в засаду. Лёка погиб. Командир приказал убить предателя-старосту и сжечь его дом, а выполнить акт мщения поручил старшему брату. Игорь проник в дом, поджег на чердаке паклю, спустился вниз. И видит: в горнице сидит семья за столом, обедает. В углу горит лампадка. И он... не выстрелил. Вернувшись, доложил командиру: «Дом поджег, а убить не смог. Я не палач». Если бы не безупречная репутация Игоря, по законам военного времени его могли бы сурово наказать. Но так, как он, видимо, считали в отряде и другие...

А как забыть Любу Смурову, девушку, с которой он не только делил опасности партизанской жизни, но и любил ее?! Вместе они ходили не на одно задание, и всегда всё кончалось благополучно. Но однажды ее выследили и схватили. Игоря смогли предупредить, что в доме, куда должна зайти Люба, ее ждет засада, а вот ей он сказать не успел. Так никогда не мог простить себе этого провала и гибели Любы, которую после месяца пыток расстреляли вместе с родственниками. Ей он посвятил одно из своих лучших стихотворений.

Недоступен лик и светел,
Взгляд – в далеком далеке.
Что ей версты, что ей ветер
На бескрайнем большаке.

Что ей я, и ты, и все мы,
Сирий храм и серый лес,
Эти хаты глухонемые,
Снег напуганных небес.
Жарко ноженьки босые
Окропляют кровью лед.
Горевой цветок России!
Что ей смерть? Она идет!³

Наверное, в жизни каждого есть поступки, которых он себе никогда не прощает. Даже если объективно в них и не виноват. Важно в конце концов не то, как складывались обстоятельства, можно или нет было поступить иначе, что думают или говорят о тебе другие. Самое важное – как к этому относишься ты сам. А для этого надо иметь или большую совесть, или не иметь ее совсем.

Как ты глухо стонешь, Поле,
Выбито стальной пятой.
Может, не было русской доли –
Колос не звенел литой?
Как ты горько тужишь, Речка,
Братскою могилой став.
Может быть, забиться сердечку
Первый час еще не настал?
Как ты тяжело дышишь, Небо,
Желтые крыла неся.
Может, жизни еще и не было? –
В пламени Планета вся!⁴

Игорь Николаевич прошел почти всю войну, демобилизовался только в 1944 году. Получил четыре тяжелых ранения и две контузии. Долго лежал в госпитале. Немного поправившись, но оставшись инвалидом, работал промысловиком-охотником, фотографом и даже геологом в районе озера Байкал. В 1949 году стал студентом филологического факультета Ленинградского университета. Там познакомился с писателем Федором Абрамовым, который сперва стал его научным руководителем, а в дальнейшем одним из самых близких друзей. В 1954 году Григорьев получил диплом филолога. Мне кажется, если бы случилось спросить у него, для чего ему этот диплом, он пожал бы плечами: а в самом деле, для чего? Поэту диплом не нужен. Поэт живет в своем мире, и этого ему достаточно.

³ «Последний большак» (*Любови Смуровой*) (1943).

⁴ «Гореванье» (1941).

Бреду невольно или вольно,
В пути упарился ль, продрог,
Но мне довольно, мне довольно
Своих скорбей – чужих тревог,
И этой низменности серой,
И этих безучастных верст...
С какой тоской, с какой верой
Глядит в глаза мои погост!
Пугает, мает, закликает
Не преисподней за чертой –
О грешных днях напоминает,
О жизни брэнной и пустой.
В каком соблазне иступленном
Гульбит священная земля!
И пляшут в празднестве зеленом
Ее нетрезвые поля!
Хрипят леса, озера страждут,
Ревут сверхвольтные столбы...
И вновь со старью в споре

страшном –

Два детища одной судьбы.
Феномен века – побируха,
Такая ж странница, как я,
Пророчит, праведно и глухо,
На перепутье бытия:
Твоя бескрайняя дорога
Еще не знает ничего.
Как горевно не верить в Бога!
Как страшно веровать в Него!⁵

На последнем курсе он женился на Дарье Захаровой, тоже филологе, основательнице Пушкинского лицея, у них родился сын, который, как вы уже знаете, стал священником. К сожалению, брак длился недолго. Были еще попытки, в новом браке родилась дочь Мария, но семейного счастья Игорь Николаевич так и не обрел. На всю жизнь его любимой женщиной осталась Даша Григорьева.

Улеглись дневные страсти,
Кроток буйный лог.
Месяц, будто чье-то счастье,
Ясен и высок.
Сыплет, щедро и лилово,
В воду пятачки.
Рядом сердца дорогого
Гулкие толчки.
От поздна до новой рани
Милосердный час –
Врачевать дневные раны
И не прятать глаз.
Полусонно, первозданно
Ждать зари земле.
Петь зорянке неустанно

⁵ «На дороге» (1995).

В робкой полумгле.
Не туманясь о разлуке,
Месяцу гореть.
И твои лебяжьи руки
Мне дыханьем греть.⁶

С 1960 года один за другим начинают выходить его поэтические сборники. Однако жилось ему в «колыбели революции» неуютно. Местная власть Григорьева недолюбливала, да и коллеги не жаловали теплом. Одни куражились над ним, острили и язвили в его адрес, другие ставили под сомнение его военные заслуги. Откровенный, честный как в творчестве, так и по жизни, поэт-фронтовик не чувствовал себя своим. Правда, что всегда оставалось при нем, и это было самое дорогое, – признание читателей.

В 1967 году он все же покидает Ленинград и переезжает в Псков. Приживался Григорьев на новом месте тоже непросто, однако выстоял, не спавал. Начал заниматься созданием Псковского отделения Союза писателей. А его дом стал литературным салоном, в котором кто только не побывал – и Валентин Распутин, и Василий Белов, и Федор Абрамов, Виктор Астафьев, Николай Рубцов, Валентин Пикуль, Глеб Горбовский, Станислав Золотцев, Владислав Шошин... всех не перечислить. Григорьев был близко знаком с иеромонахом Романом (Матюшиным), Александром Твардовским. На его стихи писал романсы Юлиан Крейн, а Виталий Салтыков создал даже цикл песен. Отделение Союза писателей в Пскове все же появилось, и Игорь Григорьев заслуженно стал его первым председателем. Однако при этом он навсегда остался *поэтом последней деревни*.

Здесь радоваться и радеть
И верить, верить без оглядки!
И никуда, хоть нет отгадки,
От этих нив себя не деть.⁷

Поэт последней деревни – это, поверьте, не фигура речи. Подлинной трагедией для него стало разорение властью его малой родины – Гришина

хутора. Для него это было все равно что услышать ответ на вопрос: быть или не быть России?

Гришин хутор, хутор Гришин,
Обездворен, обескрышен,
Слезы льет у старых вишен.
Лью и я, да хоть залейся,
Хоть о дедов рай разбейся,
Не воскреснет, не найдется,
Не воспрянет. Зряшны стоны,
Зло плодит свои законы:
На растопку свят-иконы!
Ошалели лжевладыки:
На костер – святыне книги!
На дрова – дворы и риги!
Полегли ужель напрасно?..
Все кругом от крови красно,
Завтра «светлое» ненастно.
Дело делать бесполезно:
Руки связаны железно.
Руки! Русь! Россия!.. Бездна?⁸

Он страдал от того, что кругом процветает безбожие. Что чуждая культура начинает захватывать сознание русского человека. Он понимал, чем обернется для страны время перестройки, и не хотел принимать этого, хотя и признавал, что не в его власти изменить что-то. Стихи тех лет – это молчаливые рыдания мужчины.

От деревенщины моей,
От сельской простоты
Осталась только горечь пней
Да ломкие кусты.
Давно повален темный бор,
Дремучий, вековой.
Причастен к ней и мой топор,
К той рубке гулевой.
Ни горожанин, ни мужик,
Своей родне ничей,
Я раскаленным ртом приник,
Но глух сухой ручей.
По лысым валунам скольжу:
Ни струйки – с той весны,
Тревожно память ворошу:
Как мало там казны.
Остались горстка чабреца
(Бывало, пили чай)
Да незабвенного лица
Прощальная печаль.
Прошли немалые года,
Затих кровавый гром,
Чего я только не видал

На свете горевом!
Я разучился просто жить
И бросил просто петь.
Теперь уж поздно дорожить –
Копить копеек медь.
И Русь не та, и сам не тот –
Иные времена.
Но в ворохе золы живет,
Горит моя вина.⁹

Мое родимое селенье,
Тебя уж нет, да все ты есть –
Волнение, тяга, повеленье,
Моей души беда и честь.
Вон там, за сонным косогором,
Вдали от зла и суеты,
Окружено былинным бором,
Дышало ты, стояло ты –
Всего житья-бытья основа.
Поклон вам, отчие кресты!
Нам выпало свиданье снова:
До встречи только полверсты.
Как резво поспешают ноги,
Какая в сердце благодать,
Когда по ласковой дороге
Тебе даровано шагать!
Какая травная дорога,
Какие смолкшие луга,
Как тут светло и одиноко!
Покой. Ни друга, ни врага.
А ведь давно за землю дралось,
Пахало каждый бугорок,
Деревня Ситовичи звалось.
Теперь на тех полях – борок.
Теперь назад не возвратишься,
Моя бедунья, гнезда вить,
Не запоешь, не встрепенеешь –
Здесь больше нечего зорить.
Мне ж, упасенному судьбою,
Жалеть и маяться, любя...
Сейчас увидимся с тобою,
Хоть нет тебя. Хоть нет тебя.¹⁰

Деревни Ситовичи действительно стерта с лица псковской земли. И хотя на картах она еще значится, там нет ни домов, ни дорог, ни людей – все поросло мхом и травой. Последние годы поэт жил в Ленинградской области в деревне Юрки. Он сильно болел и чувствовал приближение смерти, даже выбрал себе место захоронения. Нездоровье не позволяло выходить на улицу, поэтому скромный дом стал пристанищем многочисленных гостей. К концу жизни он

⁶ «Улеглись дневные страсти» (Дине Григорьевой) (1962).

⁷ Отрывок из поэмы «Вьюга» (1990).

⁸ «Хутор» (Григорию Дмитриевичу, деду моему) (1994).

⁹ «От деревенщины моей...» (1967).

¹⁰ «Ситовичи» (1982).

боялся, что не успеет раздать долги: долг чести своим однополчанам, долг любви своим родным. Он торопился каждому из близких посвятить хотя бы одно стихотворение, ему хотелось оставить о себе память. Последние его сборники вышли в 1994 и 1995 годах – «Набат» и «Кого люблю». Это и было как раз его попыткой расплатиться со всеми.

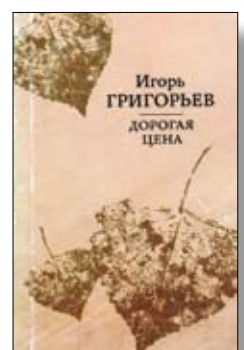
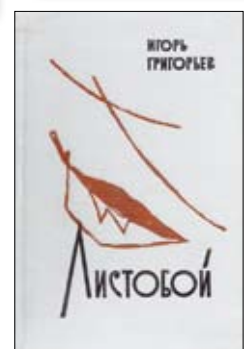
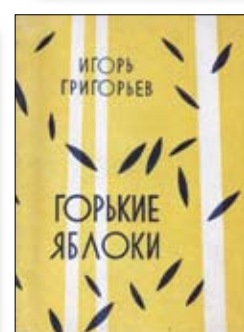
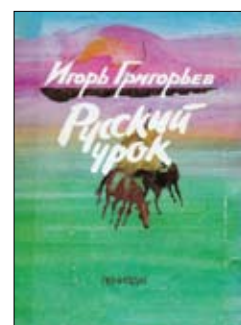
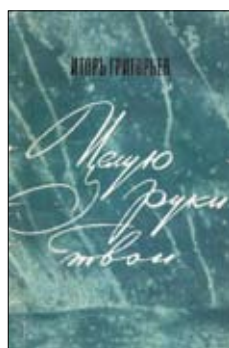
Он был православным человеком, хотя в советское время мало об этом говорил. В какой-то степени на воцерковление поэта повлиял его сын. Ведь протоиерей Григорий Григорьев пришел к Богу самостоятельно, впоследствии его духовником стал известный священник Василий Лесняк. И вот Игорь Николаевич находился под влиянием этих двух человек.

Перед смертью он успел исповедоваться и причаститься, привести в порядок все свои дела. За день до смерти поэта умерла его матушка, Марья Васильевна, которая все годы была рядом с сыном. Умер Игорь Григорьев 16 января 1996 года, оставив своим коллегам как настоящего, так и будущего поэтического завещание.

Мы воли и огня поводыри
С тревожными раскрытыми
сердцами,
Всего лишь дети, ставшие отцами,
Все ждущие – который век! – зари!
Сердца грозят глухонемой ночи,
За каждый лучик жизни в них
тревога, –
И кровью запекаются до срока,
Как воинов поднятые мечи.
Взлелеявшие песню, не рабы –
Единственная из наград награда!
Нам надо все и ничего не надо.
И так всегда. И нет иной судьбы.
Нас не унять ни дыбой, ни рублем,
Ни славой, ни цыкуты царской
чашей:
Курс – на зарю!
А смерть – бессмертье наше,
И не Поэт, кто покривит рулем.¹¹

Сохранился автограф поэта на одной из его фотографий: «Человек я верующий, русский, деревенский, счастливый, на всё, что не против Совести, готовый. Чего еще?». В самом деле, чего еще?..

¹¹ «Поэты» (1994).

ВОЛЯ БОЖИЯ ИЛИ ПОПУЩЕНИЕ: КАК ОТЛИЧИТЬ?

Священник Димитрий Туркин
Будем как дети 3

Сергей Комаров
Две нити, ведущие к тайне будущего века 6

Лариса Беляева
Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста 8

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Сергей Савцов
Спасский храм и его спасатели. Мария –
о Марфе 10

ИЗ ДНЕНИКА СЕЛЬСКОЙ МАТУШКИ

Марина Захарчук
Ты одна мне помощь и отрада... 15

МИР ВОКРУГ НАС

Архивариус
Ничто не проходит бесследно
Несгораемая память о Неопалимовском храме 18

Анна Литвиненко
Учитель и ученик: яблоко от яблони 22

Майя Ларионова
Семейные ценности 23

Александр Ермаков – Юлия Камагина
Командор из Малого театра 24

Александр Шпагин
В ожидании чуда 28

Вадим Рутковский
Православное детство академика Сахарова 32

СТРАНА СЛОВ

Наталья Прохорова
Готов на все, что не против Совести 35.

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине lampada-press.ru

Настоятель
священник Димитрий Туркин

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (**подписка,
распространение, реклама**)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: Ставропигиальный мор-
ской Никольский собор города Крон-
штадта. Фото Вадима Рутковского

Адрес редакции:

125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.

Выход в свет 23.07.2018

Цена свободная

Этот номер вышел заботами
рабов Божиих Алексея и
Александра.

Храни их Господь
Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200, Московская обл.,
г. Можайск, ул. Мира, 93

Контактный телефон:
+7 (495) 745-84-28
+ 7(49638) 2-06-85

Тираж 1000 экз. Заказ № 697
© Лампада, 2018

**СОЮЗ
ЖУРНАЛИСТОВ
РОССИИ**

Журнал – лауреат
премии Союза
журналистов РФ
в номинации
«За верность теме»

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно
на нашем сайте **lampada-press.ru**

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Напоминаем тем, кто предпочитает гарантированно получать «Лампаду» домой, а не покупать ее в церковной лавке: подписаться на журнал можно с любого месяца, но только через редакцию.

Схема прежняя: деньги на телефон
8 (963) 962-5575 и НЕПРЕМЕННО СМС
с фамилией и подробным адресом подписчика.

Подписка проводится на добровольные пожертвования, то есть цена не фиксированная.

ПРИЧИНА: журнал приносит убытки (около 100 рублей на каждом экземпляре). Поднимать цену не хотим. Заплатите, сколько сможете. Благодарим.

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
св. мц. Татианы при МГУ

Воскресения Словущего на Успенском Вражке

Воскресения Христова в Сокольниках

Всех Святых Алексеевского женского монастыря; на подворье Патриарха Московского и всея Руси при храме прп. Алексия, человека Божия

Иверской иконы Божией Матери на Всполье

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами

Новоспаский ставропигиальный мужской монастырь

прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском

Троицы Живоначальной в Хорошеве

Троицы Живоначальной в Хохлах

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском

Вражке

царевича Димитрия при Голицынской больнице

Троицы Живоначальной в Останкине

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной

апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
свт. Климента, папы Римского

Успения Божией Матери в Казачьей слободе

Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья

Новомучеников и исповедников Российских в Строгине

Всех святых во Всехсвятском

Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее подворье

Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)

Преображения Господня в Тушине

Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине

Прп. Сергия Радонежского в Бусинове

Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье

прп. Алексия, человека Божия в Крылатском

Богоявленский кафедральный собор в Елохове

Казанской иконы Божией Матери в Коломенском

Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь

Донской ставропигиальный мужской монастырь

Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве

св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»

Воскресения Христова в Кадашах

свт. Иннокентия, митр.

Московского в Бескудникове

прп. Сергия Радонежского

в Крапивниках

ISSN 2225-0271

9 772225 027100